

Виктор Васбар
Александр Лобанов

Замь

Фэнтези

Виктор Вассбар
Заумь. ФЭНТЕЗИ

«Издательские решения»

Вассбар В.

Заумь. Фэнтези / В. Вассбар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964917-1

«Заумь» — фэнтези-приключения без моря крови и злобных монстров-чудиков. Приключения в реальном мире земли и в параллельных мирах, где есть разумная жизнь, захватывают яркими действиями и таинственностью, раскрываемой по ходу сюжета. Это разумные сущности в астральной оболочке и в биологическом теле, живущие рядом с землянами и параллельно с ними. Это подземный мир, населённый разумными существами. Это полёты в бездне вселенной и во сне, где открывается мир грёз, без боли и в радости.

ISBN 978-5-44-964917-1

© Вассбар В.
© Издательские решения

Содержание

От Вассбар	6
Часть 1. Рассказы	7
Они	8
Миллионер	20
Вдохновение	26
Часть 2. Повести	30
Дверь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Заумь ФЭНТЕЗИ

Виктор Вассбар
Александр Лобанов

Редактор Виктор Васильевич Свиначенко

Корректор Виктор Васильевич Свиначенко

Оформление обложки Елена Владиславовна Смолина

© Виктор Вассбар, 2019

© Александр Лобанов, 2019

ISBN 978-5-4496-4917-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От Вассбар

В недавнем прошлом писатели, работающие в жанре фантастики и фэнтези, вводили в свои произведения несвойственные нашему земному понятию эталоны веса и метрические меры, т.е. не брали во внимание единые метрологические стандарты, принятые во многих странах нашей планеты, что плохо воспринималось читателями. Есть это и сейчас. Я отошёл от такой формы писанины, т.к. хочу, чтобы читатели получали удовольствие от чтения, а не вели арифметические вычисления. Кроме того, смехотворно бы выглядела примерно такая фраза: «Обнаружено 120 чентчюриков из рода кривуликов». Кто такие чентчюрики, какие такие кривулики? Да ещё их 120. Наша мера 120 и вымышленные чентчюрики и кривулики абсолютно не совместимы и абсурдны. Считаю, такой каламбур в литературе недопустим и вреден, он мешает восприятию читателем сюжета произведения. Отсюда, в этой книге фэнтези всё будет измеряться привычными для нас величинами. Всё будет называться своими именами, а не вымышленными. Гора, она и есть гора, а не винтрюха, человек, он и есть человек, а не пузын, а если неведомая сущность, то просто сущность с полным описанием её телесной формы. Вот, пожалуй, всё, на чём хотелось заострить ваше внимание, уважаемый читатель, перед входом в мир Зауми.

Часть 1. Рассказы

Они (Сон меланхолика)

Вырвавшись из трёхмерности, он парил в космической бездне, где отсутствует объём, время, ограниченность пространства и предел скорости. Проносился в скоплениях звёзд и галактик, свободно шагал по планетам и даже звёздам, вступал в диалоги с инопланетянами, познавал их технологии и вершил судьбы целых галактик.

Возвратившись на Землю, промолвил:

– Вот завернул, так завернул! Вершитель судеб! Ухохотаться можно! С такими мыслями можно оказаться и... Где? Эт точно, – представив себя туго скрученным по рукам и ногам в психушке, – вот именно там, с Наполеоном, Сталиным, Лениным и... – подумал, кого бы ещё присоседить к выше названным личностям, но не найдя никого достойного их общества, по его разумению, естественно, махнул рукой и проговорил, – с дураками короче.

Сквозь коричневую велюровую штору с крупными рельефными узорами пробивался серый рассвет. Потянувшись и широко зевнув, так, что чуть не вывихнул челюсть, потёр пальцами глаза, снимая видения сна, и бросил в пространство комнаты: «А вообще-то, почему бы и не пофантазировать?! Может быть, я книгу напишу... фантастическую. Во, понятно! – бросив кому-то в потолок решительную фразу, он гордо вздёрнул голову, уютно лежащую на пуховой подушке, и умиленно прикрыл глаза.

Потолок растворился и перед ним вновь распростёрся бескрайний космос. Зазвонил будильник.

– И вот так всегда! – буркнул он. – Только начнёшь что-нибудь интересное фантазировать, как тут же то будильник-будильник, то соседи начинают, как слоны топтать над головой, то какой-нибудь хмырь музон на всю катушку включит, то молотки, то дрели, то скрипы, то писки, то визги. Надоели... эх, денег бы, купил бы дом и жил в нём припеваючи. Да, надо написать фантастическую книгу. Они, эти фантасты деньги гребут лопатами, – почесал висок, всё ещё лёжа на диване. – Нет, не так, не фантастическую, то бишь шикарную, а шикарную фантастику, нет, опять не то. На шикарную фантастику тям не хватит, тут надо в науках петрить, а я в них ни бум-бум, надо, – задумался. – Во, нашёл! – громко воскликнул. – Фэнтези! Точно, фэнтези, тут чё хошь выдумывай, и в науках шибко-то петрить не надо, их можно и самому выдумать и навывдумывать хошь чё. Вот! А что... я не хуже других. Чё хуже прям этого, – призадумался, – Герберта Рэя или Уэльса Бредбери. Ничё подобного! Я тоже могу там всякое... на Луне, Марсе там. Навывдумывать! Вот!

Вновь потянулся.

– Эх, как хорошо на диванчике. Лежи себе, посматривай в потолок, выдумывай всякое там такое, красота.

Будильник, отработав минуту, умолк.

Он, опустившийся от мечтаний в реальность дня, выпростал ноги из-под одеяла, опустил их на коврик, вновь широко зевнул, потянулся, равнодушным взглядом осмотрел свою комнату в малометражной квартире, тяжело вздохнул и, повернув голову направо, уставился сквозь окно на плывущие по тускнеющему небу густые серые облака.

– О, а где штора? – втянув голову в шею, медленно в тревоге повёл глазами по комнате, но уже через секунду громко и звонко засмеялся. – Во, даю! Штора во сне, а, прям, как на яву, – и снова взгляд в окно. – Будет дождь, парит! И облака всё стущаются, а там, – он мысленно представил что там. – Какая же там глубина, немислимо... Да-а-а! Создал же кто-то такую бездну! А вот интересно, есть в ней конец, – хмыкнул. – Вероятно, есть, но... потом за ним снова что-то есть и так бесконечно. Нет, это невозможно охватить, а понять тем более, а хочется. Хочется хотя бы одним глазом посмотреть в ту даль. Космонавтом, надо было быть космонав-

том... Оно, конечно, можно бы и космонавтом, а вот если бы раз и там, – в полёте меж звёзд. Быть в реальности и созерцать всё. Телом быть здесь, а душой во вселенной. Да-а-а! – мечтательно. – Хотя... нет ещё рано. Эт чё ж получается, тело, значит, здесь, а душа там, это ж... полная смерть. Ну, уж нет. Нафиг мне ваш космос, я уж тут как-нибудь, мыслями по нему поброжу или на худой конец фэнтези почитаю, хотя бы Рея Уэльса или, как там его, – задумался вращая зрачками, – Конана Джека. Нет! Конана Лондона. Или Джека Парижа? А-а-а, – махнув рукой, – не всё ли равно кого, почитаю, короче, – пару секунд подумал, – когда-нибудь.

Откуда-то издали нёсся занудливый монотонный звук, подобный бою курантов.

– Этого я ещё не слышал, будьте вы неладны, – выругался. – Тягомотина прям какая-то, занудливая. И ведь не перестаёт. Эй, вы, там, соседи долбанутые! Вы чё, совсем чёкнулись? Спозаранку уже покоя не даёте! – Выругался в потолок. – Долбасите по мозгам и долбасите, уже минуты две... или три, – призадумался, подсчитывая в уме, сколько именно минут. – А! – воскликнул. – Какое это имеет значение, сколько. По батарею постучать что ли, да фиг они прекратят, злыдни. Злыдни они и есть злыдни! Вот навязались соседуски на мою голову! Дождутся, вымажу их двери дёгтем, будут тогда знать, как будить спозаранку людей – меня по крайней мере.

Куранты перестали бить, но им на смену в комнату ворвался лёгкий шорох, подобный шелесту листвы гонимой слабым ветерком по асфальтовой дороге. Этот звук сотнями игл впился в его мозг, вскипятил его, затем взорвался в нём человеческим голосом.

Неведомый, тем более неожиданный и невидимый гость, заполнил комнату густым басом. Голос нёсся со всех сторон комнаты, – из стен, с потолка и даже с половиц. Субстанция говорила.

– Сейчас мы высший по отношению к тебе коллективный материальный разум, – твоё будущее, следующая ступень твоей разумной материальной жизни.

– О! – воскликнул и повалился на диван. Благо стоял рядом, иначе ослабевшие ноги свалили бы его на голый пол. Подумал. – Было бы больно! – и следом, осознав явь чуждого голоса. – О, как! Высший разум! – навалился на спинку дивана и усмехнулся. – И что вы мне желаете поведать!

– Впервые видим такого!

– Какого ещё такого? – спросил.

– Спокойного! Быстро пришедшего в чувства! Ты что... не боишься нас?

– А чё эт мне кого-то бояться, у которого ни рук, ни ног, ни пнуть, ни ударить. Говорите, чё надо и валите отсюда! Нафиг! Я думаю! – хмыкнул, отнял от пола ноги и расслабленно развалился на диване.

Он, хозяин квартиры, – это молодой мужчина лет тридцати. Он одинок, хотя постоянная девушка у него есть. Он любит её, но никак не может решиться сказать ей об этом, а она ждёт его признания в любви уже три года, хотя прекрасно видит, что он не равнодушен к ней, как сейчас говорят – не ровно дышит. Ей двадцать три года и она тоже любит его, и он знает это. Знает он, знает она, а решиться на серьёзный разговор не могут. Он – Сергей. Она – Эльвира.

– И какую же такую великую думу обдумываешь? Извини за тавтологию, – спросила Сергея неведомая сущность.

– Ты вообще чё такое? Чё тебе от меня надо? Сказано, вали нафиг! Значит, вали! – Сергей подумал о нарушителе покоя как о сущности. – Сущность? Нет, тут надо говорить как-то иначе. Сущность это форма, объект, а оно даже не букашка, а нечто. О! Точно! Астральное Нечто! А если без наворота, то просто Нечто! А ещё лучше фигня на постном масле.

– Ну-у-у, – протяжно, – это уже совсем. Мы, конечно, всякого наслышались, но от тебя такого не ожидали. Ты уж лучше никак, чем так. Мы всё-таки высший по отношению к тебе Разум.

– Вы это... того... слышите что ли? – приняв сидячее положение, спокойно проговорил Сергей.

– Конечно, мы же в твоей голове!

– Всё, свихнулся! Интересно, кто я теперь, Наполеон, Ленин или Сталин? А ладно, – Сергей мысленно махнул рукой, – буду тем и этим и всеми сразу. Главное чтобы не в психушке, – и уже шёпотом. – Вы это... вас там много... в голове-то?

– Много, мы коллективный разум.

– О как! Разум! А коли вы там такие разумные, то с какой это стати лезете в мою голову? Вас что, не учили этике? Или вам других мест мало? Вселенная она вон, какая огромная. Сели бы на Луну и сидели бы себе там тихонечко и никому не мешали, так нет, влезли в мою голову и копошитесь там, зуд вызываете. И это называете разумом. Нет, вы не Разум, вы бестолочи! Вас откуда-то изгнали, вот и влезли ко мне. Вы что же думаете, я вас терпеть буду. Натё вам, выкусите, – Сергей сразу двумя руками собрал фиги и выстрелил ими в потолок. Потом подумал и в стену справа, в стену слева, в стену прямо перед собой, в стену за спиной и в пол. – Вот вам! Вот вам! Вот вам! – Как бы крестя пространство комнаты, Сергей распался всё больше и больше, а когда устал, поднялся с дивана и направился на кухню, где стаканом крепкого кофе решил прогнать из головы незваное Нечто.

Сварив крепкий кофе, Сергей, обжигаясь, пил его и радовался тому, что голоса исчезли.

– Вот что значит крепкий напиток. А может быть, крест фигами на них подействовал? А если выпить стакан водки? – Сергей призадумался. – Нет, от водки черти из головы полезут, уж лучше пусть будет Разум этих Нечто, чем рогатые.

– Правильно мыслишь, – вновь ворвались в голову Сергея чужие голоса. (А бывают ли свои?)

Сергей поперхнулся, вздрогнул, бокал в руке встряхнулся и из него взметнулся фонтан из тёмно-коричневых брызг.

– Злыдни! Твари безмозглые! Своих мозгов нет, в мои влезли! А ну, кышь из них! Кышь из моей головы, гады проклятые! Уроды! Выродки!

– Ну, вот, начинается! Как всегда! Мы к тебе по-хорошему, помочь решили, а ты сразу же, – твари, кышь, безмозглые, гады. Мы не змеи. Мы Разум! И мозги у нас есть, только они устроены по-другому, в другой материи и коллективные. Пойми, мы коллективный разум. Мы другие! У нас другая материальная форма существования. Мы не биологическая материя, а астральная, выражаясь твоим понятием. Мы Разум, Разум с большой буквы. Ты что же думаешь, что Разум может быть только у таких, как ты, с мозгами? Ошибешься! Ты всего лишь, прости, будет сказано грубо, начальная фаза развития Разума, даже не первая его ступень, а всего лишь приступок первой ступени.

– Но как бы то ни было, вы не имеете права, если такие разумные, лезть в мою жизнь, копошиться в голове. Я ещё не свихнулся. Понятно вам, – Сергей хотел вновь назвать их злыднями, но, подумав, сказал, – голубки сизокрылые. Помашите крылышками, как я сейчас вам рукой, – Сергей помахал правой рукой в потолок, – и улетайте из моей головы.

– Ты прав, мы нарушили твой покой. Уходим, но прежде прими от нас подарок.

Стены, потолок и пол слились в единое целое, впитали в себя Сергея и понеслись в радужном убыстряющемся потоке в неизвестность.

Сергей очнулся, лёжа на диване.

– Надо же, вот привиделось, так привиделось. Как будто и вправду побывал во вселенной, – хмыкнул. – Чудеса! Надо бы записать всё. Чем ни фэнтези. Глядишь, может быть, когда-нибудь книжку издам. Так, для себя и моих будущих детей, будут же они когда-нибудь. Надо с Эльвирой поговорить на эту тему.

В дверь постучали. (Чужие звонят). Сигналом, – три коротких, два длинных.

– Эльвира! – Сергей радостно блеснул глазами. – Надо бы сделать новые ключи. Потеряла, а других у меня нет. Завтра же пойду и закажу, уже неделю мурыжу её обещаниями.

– Ты эт чё!? Чё это у тебя?! – сразу с порога затараторила Эльвира.

– Чё.. у это.. у короче... у меня? – огорошенный столь резкими восклицаниями, промямлил Сергей.

– В окне огни разноцветные сияли. Я уж подумала, не пожар ли! А ты хоть бы что. Спал что-ли? Глаза-то какие-то чумовые.

– Нормальные глаза, и не спал я вовсе. В отпуску я. Просто сидел на диване, может быть, прикорнул малость, а так... вовсе и не спал.

– Сегодня вообще какой-то чумовой день. То на работе прям суета какая-то, то у тебя тут.

– Да нормально у меня тут, и вовсе не у меня, а у нас.

– Понятно, что у нас. Ну, ладно, давай завтракать, вчера весь день, поди, голодный.

– Да, нет! Кофе пил с маслом хлебом! Яичницу с хлебом жарил. Ну, там ещё чё-то, не помню, – почесав затылок, – нормально всё, короче.

– Чудной ты у меня, Серёга, а разогреть лень. Ведь сказала же, в холодильнике всё.

– Понятно, что в холодильнике, не в стиральной же машине.

– Не ехидничай! Видно пора взяться за тебя всерьёз! Совсем как ребёнок маленький! Ничего сам не можешь.

– Кофе могу. Яичницу могу, – ответил Сергей, подумав, стбит ли говорить о голосах в голове и последующих за этим видениях.

Вечером Сергей и Эльвира, как было принято в последние полгода, сидели на диване и смотрели фильм, записанный через торрент на внешний жёсткий диск HDD A-Data.

Вдруг всё перед их глазами поплыло. Пространство комнаты залилось ярко-красным светом, качнулись стены, потолок, телевизор и даже сам диван. Эльвира в испуге ухватилась за руку Сергея и скорость, – стремительный полёт в радужной перламутровой неизвестности. Страх у них не было, была легкость и желание дальнейшего полёта.

Они летели меж звёзд, видели планеты, некоторые из них были цветущими. На одной планете увидели строения, явно созданные разумными существами. Планета заинтересовала их, и они опустились на неё. Удивлению не было предела. Планета была полной копией родной Земли, подобием её далёкого прошлого, что видели в фильме по телевизору, перед тем как оказаться здесь. Над головой сияло солнце, в высоте плыли пушистые хлопья-облака, а из-за реки, что справа в полукилометре плыл гул, родственный топоту тысяч копыт.

И они вновь взмыли в перламутровую область, но не понеслись в ней, а зависли меж облаков, и увидели то, что было подобием сцены в фильме, – сечу русской рати с войском татарского хана.

Потом была битва советского народа с фашистами и колонна пленных советских солдат. Потом по лесу с невиданными великанами деревьями шла группа неандертальцев. Миг и их не стало. По лесу, ломая ветви, уже шло стадо травоядных динозавров. И вот уже нет ни деревьев и даже травы, взгляд с высоты охватывал бескрайнюю пустыню. Ещё выше поднимаются Сергей и Эльвира и не видят ни рек, ни морей, ни океанов, – мёртвая земля. Но Земля ли это?

Они смотрели на пустошь, но повлиять на ход событий не могли, они были лишь сторонними наблюдателями. Они говорили: «Зачем?» – спрашивали того, кто показывал это, но слышали лишь космический звон.

Сквозь оконную штору пробивался серый рассвет.

Сергей открыл глаза, сладостно потянулся.

– Чудеса! И уже в который раз! А девушка красивая, – мечтательно и следом нараспев. – Де-е-еву-у-ушка-а кра-аси-ивая-я! Ах, какая ми-и-алая! – опустил ноги с дивана, служащего зоной дневного и ночного отдыха, ещё раз потянулся, да так, что где-то за спиной хрустнули кости, и зашлёпал босыми ногами в ванную комнату.

Через полминуты из совмещённого санузла выбился тонкий звук воды и недовольный голос хозяина малометражки: «За что только деньги плачу!? Воды и той почти нет. Это что ж за напор? Смех, ребёнок сильнее поливает!»

Умывшись, с грехом и ворчанием пополам, Сергей нацедил в чайник воду, опять-таки с грехом пополам, поставил его на газовую плиту и подошёл к окну. Ежедневный ритуал.

– Будет дождь, парит!

Отвернувшись от окна, подошёл к столу, выдвинул его ящичек, взял в руки нож.

– И ведь уже не первый раз! Первый, – подсчёт в уме, – да, точно, тоже утром, где-то месяц назад... так, так, так, – перебирая пальцами, – а второй... второй, – Сергей почесал затылок, – точно, – громко, – когда порезал палец. И вот сегодня. Эх, мне бы такую не во сне, на яву. Везёт же кому-то. Девушки красивые, а у меня... Кто сюда пойдёт, в эту холупу! Так и буду вечно прозябать в ней и только во снах видеть прекрасных дев.

– А ты побольше языком мели, так и во сне не увидишь?

Сергей от неожиданности вздрогнул, и снова чуть было не порезал палец. Голос разнёсся в кухне в самый неподходящий для него момент. Сергей в это время готовил омлет с жареным хлебом. Второй утренний ритуал.

– Всё! Голоса! Первый признак моего умопомешательства на почве фэнтези! Пора заканчивать с мечтами о полёте мысли и с другой прочей ерундой! А это что, – посмотрев на круглые электронные настенные часы. – О, ёлки-моталки, они же стоят! Ну, вот, опять на работу опоздаю.

Сергей выбежал из кухни, стремительно влетел в комнату и стремительно оделся, потом тихо опустился на диван, облегчённо вздохнул и мысленно произнёс: «Вот оболдуй! Сегодня же суббота!» Но уже через миг подпрыгнул как ужаленный и помчался на кухню.

Густой чёрный дым валит со сковороды.

Тяжело вздохнув, Сергей вывалил содержимое сковороды в ведро для пищевых отходов и, покачивая головой, проговорил:

– Начало пойдёт, потом подправлю, а вот с голосами что-то не то, какие-то эти Они серенькие. Надо бы оживить их. И её назвал красивой, а показать не показал. А вообще-то она красивая. Надо же, приснилась, прям как на яву. До сих пор стоит как живая.

– А она и есть живая, – громко сказали Они.

Сергей вновь вздрогнул, благо ножа в руке уже не было, но это ничуть не остановило его размышления.

– Всё, хана! Допрыгался, доигрался, дофэнтезировался, до-о-этосамовался, короче! Хм, эт точно! Ну, какой девушке я такой нужен! Ни одна нормальная девушка... – Сергей призадумался, – не задружит со мной. Нет, как-то коряво! – почесал затылок. – Слова-то нормального найти не могу, не задружит, – ухмыльнулся, – хохма какая-то! Обхототаться можно! А туда же, фантазии всякие, – мысленно укоряя себя, – девушки красивые. Это точно, к такому как я только во сне и приходят, а на яву никому я такой нужен! Нет, никогда не иметь мне настоящую подругу! Хлеб поджарить и то не могу. Последний хлеб спалил, – секунду помолчав, прибавил, – с яйцами вместе. Дома шаром покати. Пойду, нафиг, лягу на диван и буду умирать!

На полпути от кухни до дивана в дверь постучали. (Чужие звонят). Сигналом, – три коротких, два длинных.

– Эльвира! – Сергей радостно блеснул глазами. – Надо бы сделать новые ключи. Потеряла, а других у меня нет. Завтра же пойду и закажу, уже неделю мурьжу её обещаниями.

– Ну, понятно, опять завтрак сгорел. И весь в полёте! Дымище, хоть топор вешай. Проветрить-то что, не догадался! – зайдя в комнату, упрекнула Эльвира Сергея.

– Да, я тут... это... как-то оно само, на работу собирался, ну и того... сгорело всё, – повинно опустив голову проговорил Сергей.

– Я с суток, а ты, конечно, в мечтах. И опять летал с какой-нибудь красоткой.

– Не-е-е! – протяжно, – с тобой.

– И куда на это раз ты меня занёс?

– Да, это, знаешь, – оживился Сергей, – не поверишь, в далёкое будущее Земли.

– Интересно, но сначала давай-ка я тебя накормлю, непутёвый ты мой! А в холодильник заглянуть лень?

– Так это... чтобы того... хорошо фантазировалось, – промямлил Сергей. – Я ж это... должен соблюдать все нормы.

– Это ж какие такие нормы, – удивлённо воззрившись на Сергея, проговорила Эльвира.

– Эт когда фантазирую, значит, голодный, значит, должен быть. На сытный-то оно эт... желудок в голову ничё не лезет.

– Нашёл отговорку. Зачем тогда завтрак готовил, если мысли на голодный желудок лезут? Сергей пожал плечами.

После завтрака, – бутерброд с ветчиной и бокал кофе, Сергей усадил жену на диван и повёл своё фэнтези.

Мы летели меж звёзд, видели планеты, некоторые из них были цветущими. На одной планете увидели строения, явно созданные разумными существами. Планета заинтересовала нас...

...мы смотрели на землю и не видели ни рек, ни морей, ни океанов. Мёртвая земля.

– Но наша ли это планета Земля? – подумали мы и решили опуститься на поверхность планеты.

Я стоял на земле цвета ржавчины и был один. Немая пустота окружала меня. Осмотревшись, не увидел ни травинки, ни кустика. Справа и слева бескрайняя пустыня. Впереди далёкие в трепещущем мареве красные горы.

Сзади что-то тихо прошелестело. Обернулся.

То, что увидел, заставило меня не только громко вскрикнуть, но и задрожать всеми костями и поджилками.

Сердце готово было вырваться из груди, ноги хотели бежать, но не могли – приросли к земле и дрожали. Руки, как плети, бессильно висели вдоль тела, а мозг пытался понять, что видят глаза. Волосы, как змеи шевелились на голове.

Глаза видели мою спутницу, но не в её физическом теле, а аморфным существом. В её глазах был ужас, но почему они горели страхом, я не мог понять.

– Я смотрела на тебя и видела тебя привидением, аморфным существом. Себя же видела обычным человеком на пустынной планете с далёкими в мареве горами. В твоих глазах был страх. Мне было жутко.

– Но как ты могла меня видеть, Эльвира, это же мой сон?

– А вот так вот! – задиристо. – Понятно?! Видишь в своих снах всяких там красавиц, а меня в сторону. Так что ли?

– Да... я нет, что ты, это же сон. Я тебя видел, Эльвира, – оправдываясь, ответил Сергей.

– Вот так и говори. А то, видишь ли, глаза твои видели какую-то спутницу. Не какую-то, а меня. Понятно?!

Сергей улыбнулся и, обняв Эльвиру, продолжил свой рассказ.

– Аморфная Эльвира что-то говорила, но я её не слышал. Стал читать по губам. Она говорила, что боится меня, потому что я привидение. И тогда я понял, что каждый из нас себя видит в своём теле, а спутника фантомом. Со временем мы довольно-таки сносно стали понимать друг друга. Я объяснил Эльвире суть явления, это успокоило её. А вскоре она выдвинула версию параллельных миров. Сказала, что мы в разных мирах, параллельных, но каким-то образом вошедших в соприкосновение. У меня мелькнула мысль, если это так, то миры могут либо отдалиться, либо и дальше идти на сближение. Отдаление хотя бы на миллиардную часть градуса приведёт к полному разрыву нашей связи, мы потеряемся, но можем и объединиться,

если миры и дальше будут приближаться друг к другу. Сказав Эльвире, что нам надо быть всегда рядом, мы направились в сторону гор. Там мы надеялись найти воду и какие-нибудь плоды.

– Мы шли долго. Помню, приземление было утром, солнце лишь всходило из-за гор, а подошли к горам на закате, – сказала Эльвира.

– Да, нам необычайно повезло. Явление близости гор бывает обманчиво, но мы шли до них по земному времени часов двенадцать.

– И вышли на широкую тропу, плавно взбирающуюся не террасу с удобной для жизни пещерой, в которой довольно-таки сносно провели ночь, – добавила Эльвира.

– Да, но ни у подножия горы, ни на всём пространстве, просматриваемом с террасы, не прорастало даже мха, не говоря уже о растениях и траве. Голая каменистая пустыня растиралась перед нами, взбирающимися с террасы на неведомую нам землю. В то время мы даже не могли предположить, что перед нами будущее умирающей Земли. Такое далёкое будущее, о котором невозможно даже помыслить. Миллионы, а может быть и миллиарды лет от настоящего времени, в котором сейчас живём.

– А есть хотелось очень-очень!

– Слизывали конденсат с камней, – улыбнулся Сергей, вспомнив Эльвиру припавшую губами к влажным камням пещеры.

– И, между прочим, благодаря мне вышли к городу.

– Да-а-а, – протянул Сергей. – Город великолепен!

– И ты в этом городе нашёл себе женщину – обидчиво сжав губы, проговорила Эльвира и тут же засмеялась.

– Да, это было для меня великим счастьем!

– А для меня? – спросила его Эльвира.

– Это надо спросить у тебя, милая.

– Глупенький, – легко ткнув Сергея указательным пальцем в лоб, проговорила Эльвира. – Я была безумно счастлива, когда ты исчез, в смысле исчез твой фантом и проявился ты.

– Великое счастье испытал и я, увидев тебя в нормальном человеческом теле.

– Но в образе города возникла неизвестность. Не зная, что ждёт нас в нём, мы всё же двинулись к нему.

– И увидели маленьких человечков.

– И таких маленьких, что чуть было, не раздавили нескольких.

– Мы были Гулливерами в стране лилипутов, – уточнил Сергей. – И, между прочим, отвлекаясь от рассказа, скажу, что я давно задумывался над теорией развития человечества. Находят же скелеты людей огромного роста, по пять и более метров. Вот и мы, вероятно, вымерли, а на смену нам пришли пигмеи, после них полуметровые человечки, затем деципуты, – улыбнулся, – по два дециметра, а за ними те, кого мы увидели в далёком будущем, сантипуты, пяти сантиметровые гномики.

– Ну, ты точно, фантазёр, – проговорила Эльвира, – сантипуты, – со смехом.

– А чё, так и будем называть, самое подходящее для них определение. Так вот, когда я увидел сантипуты, то сразу подумал, что город нам ничем не поможет.

– Это почему же?

– Он не смог бы нас прокормить. Каждый из нас за день съедал бы столько, сколько все жители города за год. Им проще было нас убить, чем прокормить. Да и пользы от нас никакой.

– У меня таких мрачных мыслей не было, внутренним подсознанием я чувствовала, что город не оставит нас в беде, в чём мы скоро убедились.

Да-а-а, – покачав головой, – наука у них на высочайшем уровне. И что удивительно, производство продуктов питания поставлено, грубо выражаясь, на широкую ногу.

– И не только. Всё создаётся из воздуха, в буквальном смысле этого слова, – подтвердила слова мужа Эльвира.

– Заметь, в любом количестве. Вода из воздуха, мясо из воздуха, хлеб из воздуха и даже ткань для одежды из воздуха. Сидит сантипут за пультом, кнопки жмёт, – получите булочку, следом жареную курочку, шашлычок, пирожок. Всё, что душа желает, коммунизм.

– Скучно.

– И всё же мы должны благодарить их. Они возвратили нас домой.

Голос.

– Слушал тебя и удивлялся. Ты на самом деле думаешь, что был в будущем Земли и видел каких-то сантипутов? Да-а-а, покачал бы сейчас головой, только нет её у меня, однако скажу, выбрось из головы фэнтези. Ничего у тебя не получится. Выдумываешь какую-то ерунду, аж смех берёт.

– Посмейся, что тебе стоит, коли такой умный! А я послушаю, как безголовая сущность смеётся, – пренебрежительно проговорил Сергей. – Не твои ли слова о подарке.

– Подарок в том, что ты сейчас спишь. Ущипни себя.

– Ну... ущипнул.

– Что почувствовал.

– Ничего.

– В руке у тебя кусок хлеба, съешь его.

– У меня камень в руке, хотя... ошибаюсь, точно... хлеб, но он... ничего себе... – удивившись, – как вода протёк меж пальцев.

– Сон. Ты во сне. И нет у тебя никакой жены. Одинокий ты бобыль.

– Злыдень ты, Голос! Не даёшь хода моим фантазиям. Может быть, я хочу книгу написать, рассказать моим потомкам обо мне, пусть даже и в фэнтези. Не буду же я вечно одиноким бобылём. Будет у меня жена, детишки появятся, мне всего-то тридцать лет. Обо мне, – хмыкнул, – меня, – задумался, – а может быть мою, вот накрутил, мою... растудыт твою мою жизнь. Точно, мою жизнь! Нет, опять что-то не так. О себе! – воскликнув, – рассказать о себе. – И снова минутное молчание, после которого Сергей тоскливо проговорил. – А нужна ли она им, история моей жизни?

– Какую книгу? Ты о чём? Пару слов связать не можешь, а туда же, книгу, – с ехидцей.

– А чё тогда сны даёшь мне разные, – гневно. – Мне такие подарочки не нужны. Мало того, что навязываешь всякую ерунду, так ещё и дураком называешь. Видите ли, я пару слов связать не могу. А сам-то, вообще бестолочь безголовая, а туда же ещё. И вообще, кыш из моей головы, ты мне спать мешаешь.

– Мы уйдём, только вот с кем ты останешься. Без нас, – мыслей, ты будешь амёбой!

– Ваши тупые мозги, которых у вас нет, мне абсолютно не нужны, со своими как-нибудь проживу. Во сне лезете, спать не даёте, мало того, ещё и в бодрствовании копошитесь в моей голове.

– Мы в ней не копошимся, мы в неё живём.

– Вас чё... там рота чё ли?

– Да, пожалуй, более. Забыл, мы говорили, что коллективный Разум.

– Слышь ты, Голос, а ты вообще-то можешь помолчать, заткнуться одним словом, раз и навсегда. А то у меня от тебя уже голова раскалывается, хоть и во сне. И вообще, вали нафиг, устал я от тебя, – гневно крикнул Сергей.

Тотчас в голову Сергея кто-то сильно ударил молотком. Застучало в висках, а затылок, как показалось ему, раскололся пополам. Мм-м, – застонал он и сквозь сон почувствовал, как кто-то настойчиво тербит его плечо. Затем чьи-то слова.

– Проснись, ты стонешь во сне. Сергей, проснись.

Сергей открыл глаза, посмотрел в окно.

– Ещё рано, – сказал, и вновь провалился в сон.

Сергей стоял у круглого иллюминатора в рулевой рубке космического корабля, он в нём самый главный командир, и смотрел в космическую даль.

– Ждут, они ждут моей помощи, – сказал, и вот он уже в скафандре летит в межзвёздном пространстве.

Сергей видел с высоты пасмурную планету, колонны машин двигались в одном направлении, – в сторону от разрастающегося ядерного гриба. И танки, много танков. Видение мрачной планеты неожиданно сменилось на светлый замок с круто взлетающими вверх ступенями. На площадке, на огромной высоте, у последней ступени стояла она, – прекрасная принцесса.

Сергей подошёл к ней и узнал в ней Этилию. Волны густых волос струились по плечам и пышному белому платью принцессы.

– Я ждала! Я верила! Я знала, что ты не оставишь меня! – проговорила принцесса и, взяв Сергея за руку, повела его широким коридором в какую-то светлую даль. – Освободи мою страну от пришельцев. Ты их легко узнаешь, они все железные, у них нет плоти.

Сергей вскарабкивается по песчаной горе к норе, там его убежище. На горе стоят железные пришельцы, их много, а Сергей один, но он знает, что это последние воины железного короля, вся его армия погибла на этой планете, её уничтожили дожди. Металл разъела ржа, сама планета уничтожила пришельцев как вредный вирус.

Гора из песчаной превратилась в каменную. Сергей выходит из многоэтажного дома, подходит к высокому дощатому забору, отделяющему дом от горы, открывает калитку и ступает на зелёное поле. Справа в горе видна пещера. Сергей направляется к ней по широкой тропе поросшей мелкой, но густой ярко-зелёной травой. В пещере находит россыпь разноцветных драгоценных камней, берёт их в руки и они тотчас превращаются в бесформенные прозрачные стекляшки. Выходит из пещеры и куда-то бежит. Он знает, что бежит лучше всех, но в этот раз его бег замедлен, он с трудом перебирает свинцовые ноги, напрягает мышцы тела и летит легко и свободно над рекой. С берега на него смотрит народ и удивляется.

– Как это? Как он это делает? – удивляются люди и видно, что завидуют ему.

Сергей горд, он уже на лыжах и бежит очень быстро, обгоняет всех и катится с ледяной горы на ногах, но без лыж. Впереди пропасть, он падает, но медленно и вот уже стоит у ревущей реки, через неё строят мост. Сергей напрягает мысль и летит. Пролетает реку и опускается на песчаный пляж, идёт по нему и оказывается в яблоневом саду. Срывает с ветви яблоко, второе, третье, они все гнилые.

Большое дерево, а на его макушке грецкие орехи, рядом вышка, подобие маяка. Сергей входит внутрь и по винтовой лестнице поднимается на её верхнюю площадку, с неё перемещается на дерево, а на нём нет орехов. На ветке сидит красивая разноцветная птица. Он на поляне, на ней красивые большие красные и синие цветы. Поляна струится вверх – к лесу, в лесу прикованная цепью к дереву она, Эльвира. Сергей подходит к ней, пытается освободить от оков, но его усилия тщетны. Слышит голос.

– Грызи зубами.

– Как зубами? – думает Сергей, – я их поломаю. Цепь-то железная, – но всё же впивается в нее, и железо стекает по его губам горячей струёй воды.

Эльвира обвивает Сергея руками и целует в губы. Сергей на седьмом небе от счастья, целует её и тотчас кто-то резко бьёт его по губам. Сергей стонет и просыпается. Губами ударился о металлический каркас панцирной сетки кровати. Сергей чувствует вкус крови, подносит к губам руку и в свете нарождающегося утра видит на ней кровь. Глаза смыкаются, Сергей проваливается в сон.

Хор голосов влетел в его уши и закопошился в голове. Голова вскипела, под черепной коробкой заелозили черви и стали щекотать мозг, затем резко и хором закричали: «Дай пожрать!» Тотчас в животе что-то заурчало, и его сдавил голодный спазм.

Чтобы заглушить навязчивую мысль о еде, Сергей жёстко заскрёб голову, но желудок жил сам по себе, жил по своему закону, он урчал, ворчал и кричал, настойчиво направляя в мозг требование об энергетической подпитке.

А голоса кричали: «Дай пожрать! Дай пожрать! Дай пожрать!»

Стремясь вырвать из головы надоедливый голос, Сергей впился в неё ногтями. Стал скрести и, казалось, до боли, но боли не было. И он скрёб, скрёб и скрёб. Но всё было безрезультатно. Голоса взбесились. Кто-то кричал, кто-то занудливо ныл, кто-то стонал, кто-то с ехидцей хохотал, но большая их часть настойчиво шептала: «Сделай петлю и повесься!»

– Всё, свихнулся на почве голода! – подумал Сергей и резко долбанул себя по затылку.

Голоса резко умолкли, но всего лишь на две секунды.

– Не бойсь, нормальный ты мужик, не свихнулся! – громко и довольно чётко проговорил самый главный Голос.

От этого голоса Сергей проснулся, выпростал ноги из-под одеяла, опустил их на коврик, широко зевнул, потянулся, равнодушным взглядом осмотрел свою комнату в малометражной квартире, тяжело вздохнул и, повернув голову направо, уставился сквозь окно на плывущие по тускнеющему небу густые серые облака.

Будильник настойчиво долбил по голове, и голос. Он настойчиво требовал взять верёвку и повеситься

– Голоса! Опять голоса! Всё время голоса! Уже нет никаких сил терпеть их, – застонал Сергей и, сжав ладонями уши, повалился на диван.

Голос заполнил всё пространство комнаты, и он всё нудил и нудил.

– Почему бы и нет! – подумал Сергей. – Освобожусь от болей в голове и обрету мир и покой.

Слова таинственной сущности стали созвучные его мысли, но где-то в глубине души Сергей всё же сомневался в правильности принятого решения. Его возмущало требование Голоса.

– Какое ты имеешь право распоряжаться моей жизнью! – крикнул он в пространство комнаты. – Ты кто? Ты тля, букашка, а я человек! – возмущался Сергей. – Я понимаю, если кто-то третий, человек вмешивается в диалог, но он реальный. А ты кто такая? Какая-то неведомая козявка, бесцеремонно влетевшая в моё сознание. Мало того, ты, наглая сикараха, сидишь в моей голове, щекотно свербишь мой мозг и наставляешь на смерть. Архи наглая выходка! Пошла вон, безмозглая тварь! Своих мозгов нет, в чужие залезла. Вытряхивайся, иначе я сам изгоню тебя.

С этими словами Сергей запустил все десять пальцев рук в жидкие волосы головы и неистово заскрёб ими по всей её поверхности. Затылок и темя вспыхнули адским пламенем. Этой огненной гееной он надеялся изгнать назойливую сущность из своего мозга, но она крепко сидела в нём и что-то бормотала своим бесцветным монотонным голосом.

– Что, что делать? Как изгнать эту сущность из моей головы, – усиленно думал он, забыв, что всё его мысли читаемы Голосом.

Ни одна сколько-нибудь стоящая мысль не приходила на ум. А Голос что-то говорил и говорил. Смирившись с занудливостью Голоса, Сергей произнёс: «Так кто же всё-таки ты? Твои объяснения туманы.»

Этими словами Сергей надеялся поставить Голос в тупик, ибо стал отчётливо понимать, что он сущность, не обладающая тем, что имеет человек, значит, не может иметь ни имени, ни фамилии. Сергей подумал, что назваться он не сможет и покинет его голову, сгорев от стыда. Но Голос вновь стал пространно объяснять своё существование, сказал, что он организм. Говорил, что он во множественном числе и его личное решение не имеет силы, всё решается коллективным Разумом. Далее Голос сказал, что под организмом они подразумевают не тело, каким обладает Сергей, а нечто более совершенное. И сгореть они не могут, ни от стыда, ни от огня, ибо их тела не биологические.

– И что же это такое может быть, не биологическое? Аморфное? Вы как привидение? – проговорил Сергей, постепенно смиряясь с Их внедрением в голову.

– Об этом ты узнаешь из наших следующих встреч, – ответили Они, окончательно поставив Сергея в тупик.

– Как... вы собираетесь продолжить шпионаж за мной? – вновь возмутился он.

– Не шпионить, а помогать!

– В чём?

– В написании тобою книги.

Сергей громко рассмеялся, подумав: «Помощники хреновы! Без Вас не разберусь, что писать, а что утаить».

Они молчали, вероятно, осмысливая его слова. Так думал Сергей, но как выяснилось намного позднее, их сознание работает в миллиарды раз быстрее, нежели все вместе взятые компьютеры мира.

Молчание таинственных сущностей длилось недолго.

– Никто кроме нас тебе не поможет. Всё, что пишется и создаётся в твоём мире, производится нами. Ваш мозг лишь аккумулирует уже созданное.

– Если всё уже создано, зачем мы, люди?

– Развиваясь, вы совершенствуете нас. Напомнить, что написано в библии?

– Не надо. Помню. Там написано, что бог всё сделал для себя.

– Правильно, Поэтому не возмущайся, когда мы будем приходить к тебе и помогать в твоих делах.

– Вопрос. Почему я Вас не вижу?

– В твоей реальности ты нас никогда не увидишь, но придёт время, и ты объединишься с нами и станешь с нами един.

– Туманно и малопонятно! Хотя... согласен, приходите. В хороводе веселее, – ответил Сергей, улыбнувшись своим мыслям. Он представил себя в хороводе с привидениями под музыку потустороннего мира, и тотчас новая мысль озарила его.

– А может быть Они из тёмного мира. Ведь помогают же черти людям, за плату душой. Ну, уж нет! Фигушки вам, злыдни дьявольские. Ваш хитрый ход я распознал.

– Нет никакого хода, – моментально ответили Они на его мрачные мысли. – А то, что сейчас туманно со временем станет понятно. Сейчас сложно, но скоро к тебе придёт понимание твоего Я и понимание нас.

Не вникнув в смысл Их слов, Сергей проговорил: «Непостижимо!»

Они промолчали. Сергей дважды позвал Их, один раз мысленно, второй голосом, но очень тихо, слегка шевеля губами, но Они не ответил. Исчезнув так же внезапно, как и появились, Они внесли смятение в его душу.

– Реален ли был наш разговор? – подумал Сергей и, поразмыслив, утвердился в вымысле его своим уставшим сознанием, но через минуту сказал себе, – Почему уставшим? Я бодр и активен! Спал прекрасно всю ночь, правда, какие-то сновидения, каламбур их, но проснулся бодрым, – и резко. – А их настойчивое требование покончить с жизнью! Хотя, – задумчиво, – всё это бред, сон. Главное, они замолкли. Утро, ушли на завтрак, – дополнил свою мысль и рассмеялся, реально, громким залившимся смехом, мысленно представив, как эфирные сгустки материи пьют чай из самовара, держа блюдечки на трёх призрачных пальцах.

Мысль о Голосе долго не покидала Сергея. Он представлял Их и сгустком невидимой материи, и сгустком плотного порывистого ветра, и волновой энергией, и привидением, и даже букашкой с мохнатыми лапками, но всё это никак не вязалось с тем, что было реальностью, а её он не знал, как, впрочем, и всё человечество.

В дверь постучали. (Чужие звонят). Сигналом, – три коротких, два длинных.

– Эльвира! – Сергей радостно блеснул глазами. – Надо бы сделать новые ключи. Потеряла, а других у меня нет. Завтра же пойду и закажу, уже неделю мурыжу её обещаниями.

В гостиной комнате большой трёхкомнатной квартиры диван, на нём Наталия и Алексей, перед ними экран телевизора и титры. Конец фильма.

– Ну как фильм? – спросил жену Алексей.

– А то ты не знаешь, только время потеряла. Знаешь же, что не люблю фэнтези, а этот фильм вообще какая-то чепуха с голосами в голове. Чушь!

– А мне фильм понравился, особенно полёты Сергея во сне. Красивые эффекты.

– Только-то, эффекты, фу! – фыркнула Наталия. – Хотя... знаю я, что тебе понравилось, точнее кто, – Эльвира.

– А что, красивая девушка, но ты, моя милая, всех красивее, – ответил Алексей и поцеловал жену в её алые губы.

Им было двадцать пять. Лет.

Миллионер (Сон в новогоднюю ночь)

Всемирная паутина.

Откуда она вылетела, он так и не понял, да это было и не важно, главное было в том, что она заинтересовала его, – страница сайта, где бесплатно предлагался мобильный телефон.

– Телефончик, телефончик прыгни-ка ко мне в карманчик! – раскрыв на экране компьютера страницу под названием «Халява», он читал условия получения халявного мобильника. – Адресочек нужен мне, вот и все делишечке! – продолжал он петь тут же сочинённую песенку, выискивая бесплатный почтовик с com или net. – Требуют они com net, вот такой он интернет. О! Нашёл! Осёл, привет! Слава! Слава! Интернет! Слава яхо почтарю, ну теперь уж получу денюшку мою большу!

Через пять минут, не прекращая напевать сочинённую песенку, Сергей кликнул на ссылку регистрации на американском «осле» и прокручивал в мыслях то, как через несколько дней будет звонить с халявного мобильника всем родным и знакомым.

– Родным? Так ни у кого же нет мобильника! Так-так, надо адресочек записать, пусть все мои тоже получают халяву. Вот здорово, – отняв руки от клавиатуры и потирая их, он в мечтах закатывал глаза, как ему казалось, выше лба, отчего всё вокруг сияло радужными бликами. – Буржуи не обеднеют! У них этих телефонов, как у нас грязи!

Мечтая, ждал, когда откроется почтовик. Открылся...

– Ёлки палки, так тут всё по буржуински, а я в английском ни бум-бум! – воскликнул он, увидев стройные ряды английских букв. – Ни бельмеса! И что теперь? Одно лишь знаю, что yahoo – это осёл... А, собственно, погодь, дружок, – это Сергей, конечно, себе, – да здесь шибко-то и знаний не надо, – рассуждал, – главное свой адрес правильно ввести. Так что это вы правильно назвали себя ослиами, а я чё надо! Ум у меня есть! Вот хапну мобильник, тогда узнаете... а чё они узнают? Ни фига они не узнают! Как это они узнают, от кого? Ну, уж фиг вам, не собираюсь я вам говорить, а то все телефоны расхватаете... буржуины, а нам фиг, ничё и не останется! Выгорит дельце – под второй адресок регистрируюсь, пара мобил не помещает! Тэкс-тэкс, чибуртэкс, скоро будет всё Ок-екс. За халявкой я беглец! – радостно напел Сергей и щёлкнул по ссылке, направляющей к телефончику. – Есть! – воскликнул и, освободив мышку из объятий правой руки, звонко хлопнул в ладони. – Е-е-е-с-с-с-ть! – ещё раз, но уже протяжно и менее восторженно проговорил, вливаясь изумлённым взглядом в сияющий разноцветными огнями монитор. – Ого-го! А это ещё что за фигня?

На экране монитора выписывалось что-то на английском, при этом всё на нём крутилось и вертелось с бешеной скоростью и нежный женский голосок, выплёскивавшийся из динамиков, опять-таки на английском и непонятном Сергею языке, говорил что-то весёленько.

– Вот это фигня так фигня. А красиво-то как! Ну, буржуи! – не отрывая взгляд от экрана монитора и не переставая восхищаться, Сергей машинально щёлкнул по бегущему в верхней части экрана шоссе. – Ни-и-и чё-ё-ё себе-е-е! Здесь мне в век не разобраться, – увидев новую Web-страницу, вновь вслух проговорил он, но после недолгих размышлений мысленно махнул рукой, издал протяжно, – а-а-а! – и решил, что будет щёлкать куда попало, надеясь на русское авось, которое куда-нибудь обязательно выведет.

Сначала выползла страница, подобие которой он видел неоднократно, это была страница регистрации на сайте. Зарегистрировался. Затем вышла вторая, потом ещё и ещё, и вот перед его глазами возникла во всей красе неведомая зверушка – страница какого-то GROUPLOTTO Online Casino. Не задумываясь, Сергей щёлкнул по строке lotto. Из динамика полетела новая и незнакомая, но приятная на слух весёленькая музыка, под которую заплясали не только его

ноги, но и быстро сменяющиеся на мониторе кружки, жучки и паучки, точки в звёздной ночи, неведомые зверушки, чьи-то ушки, плюшки, кренделюшки и лысые макушки.

– Ну, буржуи! Вот пара... Ну дают! Краси... – не успев в полном объёме выразить восхищение, Сергей удивлённо воззрился на новую красочную страницу разделённую на три неравных неподвижных окна. Маленькое окно слева и среднее в пол-экрана также были разделены на три части, но уже равные между собой, правое окно, занимающее остальную часть экрана, было цельным, в нём красовался молодой мужчина. Его взгляд был устремлён вдаль.

Тишина была заманчива, да и длилась-то она всего несколько секунд, но для Сергея секунды выросли в минуты. И вот, вновь из динамика потекли какие-то звуки, и в верхнем левом окне появилась цифра – \$29,29. Мужчина, всё ещё заполнявший третью часть экрана монитора вдруг ожил, насторожился, но когда среднее слева окно высветилось пустотой – поник, а затем схватился за голову, явно выказывая трагичность своего положения. А из динамика всё неслись и неслись звуки, в которых, прибавив громкость, Сергей услышал нарастающий звон монет. Сергей напрягся и затаил дыхание, а экранный мужчина встрепенулся и замер. Они оба застыли, Сергей по эту, а анимационный мужчина по другую сторону монитора. Звон монет всё нарастал и вот уже он превратился в грохот. Сергею казалось, что этому грохоту не будет конца, он давил на уши, но мысль говорила, что это ливень из долларов и он терпел. Постепенно звук, затихая, смолк, денежный дождь кончился, а вместе с ним прервалась музыка. Из уходящей грозовой тучи выглянуло солнце, лучами осветившее в нижнем левом окне ряд из трёх закрытых коробов. Миг, с лёгким скрипом левый короб приподнял своё забрало и Сергея увидел на нём слово COLD. Последние несколько капель ушедшего звонкого дождя упали в открытый зев сундука. Следом появилась надпись \$35. И снова легкий скрип, открылся короб PLATINUM, и в него с мелодичным звоном стали литься лучи солнца, рядом проявилось \$87625.00. Экранный мужчина выплеснул эмоциональную бурную радость, а последний DIAMOND короб уже отзывался на его радостный возглас звонким эхом бриллиантов. Третья цифра \$45000.00 взметнула руки анимационного мужчины ввысь.

Миг, и новая картинка монитора бросила взъерошенного анимационного мужа на руки ликующей толпы буржуинов.

И вновь бегущее шоссе заставило Сергея невольно щёлкнуть по нему. И звуки музыкалки весёлой, и новый карнавальная конфетти заполнили комнатку его хрущёвки и монитор 17 дюймов. Открылись короба, и дождь с небес полился в них, но дождь не слякотной погоды, а бриллиантовых монет.

– Ну, буржуины! Ну, дела! Вот диво! – ухмылялся он, влетая вновь в широкое шоссе.

И третий звонких баксов дождь разлился по его хрущёвке.

Аним-мужчина ликовал! Сергей взирал на круговерть и вдруг, не ведая зачем, подвёл курсор к мужчине и щёлкнул по нему.

И стройный ряд предстал передо ним во весь экран. Буржуи все во фраках, леди в золочённых платьях. И нежный голос возвестил:

– Господин Припрыжкин Сергей Петрович, президент казино «GROUPLOTTO» Алан Круп и спонсоры Ральф Лардэн, Рэм Боснар, Миледи Хворостовская, Джон Фогнер, Пьер де Лафер, Луиза Мильтон, Надежда Портнер и Альфред Рейнгард безмерно счастливы, сообщить Вам, что согласно уставу казино каждый игрок, выигравший пятьсот и более тысяч долларов, премируется дополнительной суммой равной выигрышу. Ваш выигрыш в трёх играх равен семистам пятидесяти восьми тысячам долларов, значит, общая сумма наших выплат вместе с премиальными составляет один миллион пятьсот шестнадцать тысяч долларов. Поздравляем Вас и приглашаем в клуб миллионеров. Карточка члена клуба миллионеров и копия его устава будут высланы Вам на указанный при регистрации адрес.

Не сказать следующее, значит, скрыть от Вас: – Да! Мы ошеломлены! Такой крупный выигрыш, какой выпал на Вашу удачу за счёт наших бонусов – это первый случай за всю исто-

рию казино! Мы ошарашены, но... устав казино нас обязывает... и мы спрашиваем: «Продолжите ли Вы игру или щёлкните мышкой по кнопке «отправить деньги?»»

Холодный пот окатил лоб Сергея, сердце сжалось, секунду постояло в таком состоянии, вызвав сильное головокружение, но через миг раскрылось хлопком, отозвавшимся глухим набатом в висках, и прежнее головокружение, переросшее в девятибалльный шторм, показалось Сергею штилем. Пол, стены, потолок, и он сам во всём этом поплыл, удаляясь от земного бытия, в перламутровый круговорот. В животе что-то ойкнуло, потом булькнуло, затем подкатило к горлу и застряло на выходе желчным комком. Ему хотелось выплюнуть этот жгучий комок и крикнуть: «Ура-а-а, я миллионер!» – но комок всё более и более сжимал вдруг пересохшую гортань, и правая рука машинально потянулась ко рту, но уткнулась во что-то овальное и гладкое. Пальцы, вздрагивая, вдавили какую-то кнопку, раздался лёгкий шелчок и цветная круговерть, замирая, плавно переросла в ясно видимый с высоты полёта голубой шар.

– Земля! – подумал Сергей, и в тот же миг его глаза вырвали из видимого пространства тугой мешок, устремляющийся к точке с названием его родного города.

А ласковый голос леди противоположного мира всё поздравлял и поздравлял.

– О, боже! – воскликнул Сергей. – О, боже! Я миллионер! Долларовый миллионер!

Сладостная речь неведомой, но ставшей такой милой и родной ему леди – леди мира противоположной формации, всё текла и текла из динамиков. Он вслушивался в её завораживающий голос и упивался им, он не понимал смысл речи, не знал английский язык, но в данный момент он ему был более чем приятен, он казался ему родным, так как прекрасно понимал, о чём говорит заэкранная незнакомка. Сергею было понятно одно, и хватало одного, а именно; он в один миг превратился из безработного нищего человека в миллионера, и не какого-то деревянного, каким был в начале 90-х, как и всё население страны, а в долларового – конвертируемого, которого теперь жена будет носить на руках, поить водкой «Кристалл» из золотого стакана и кормить копчёной селёдкой с золотой вилочки.

– Вот теперь вы у меня все попляшете! – тихо проговорил он, расправил плечи, выпятил грудь, хлопнул ладонью о ладонь и сладостно зажмурил глаза. Когда веки приоткрыли глаза, картинка с земным шаром на экране монитора вновь сменилась бегущим куда-то шоссе.

– Ну, уж нет! Сейчас вы меня уже не заманите! Мои миллиончики захотели! Не получите! – сияя серыми глазами, проговорил Сергей и закрыл страницу интернет-казино «GROUPLOTTO».

Как прекрасен этот мир.

– Как прекрасен этот мир, посмотри-и-и! Как прекра-а-асен этот мир! – мурлыкал Сергей слова давно забытой песенки, и радостное настроение поднималось с каждой минутой. К полудню в его организме накопилось такое огромное количество адреналина, что его хватило бы не только для жены, чтобы она наконец-то умолкла и более не называла его безработным хлюпиком, но и на всех жильцов пятиэтажной хрущёвки, да, что там хрущёвки, всего железнодорожного района. Но то было ближе к полудню, когда же за окном стало смеркаться, Сергей решил включить свет.

По такому радостному событию можно было не экономить.

– Что деньги, – думал он. – Теперь их у меня миллионы! Я не то, что экономить, люстру с тремя рожками куплю! И будет она у меня гореть весь день! Даже когда солнце светит! Пусть все видят и завидуют!

Щёлкнув выключателем, засаленным и обгаженным мухами, тараканами, круглыми плоскими вампирами, серыми муравьями и ещё невесть какой домашней живностью, – выключателем, пёстрой пипкой прилепившейся к стене с серенькими обоями, давно потерявшими первоначальный цвет, Сергей замер, увидев рядом с ним тёмную загибулину явно напоминающую знак \$.

– Что бы это значило? – подумал он, всматриваясь в пятно, и через несколько мгновений понимание надвигающейся несостоятельности рождения нового миллионера пришло к нему. Он осознал, что может остаться тем, кем есть, т.е. вечным безработным хлюпиком. – О, боже! – простонал Сергей. – У меня нет банковского счёта!

Скинув с худеньких ног златанное трико, от многолетнего пользования отвисшее складками на коленях, он нырнул под кровать и со словами: «Где же они, чёрт бы их побрал! – стал взбивать подкроватную пыль. – Где? Чхи-и, чхи-и!» – донеслись из мутной глубины чих и односложный вопрос, и тощий зад, тряхнувшись, всколыхнул лоскут ткани, свисающий ровным треугольником с некогда чёрных, а ныне серых семейных трусов.

Через минуту зад колыхнулся ещё раз, и на свет выползло инопланетное существо с серым пухом-пылью на лице.

– Чхи-и-и! – издало существо потусторонний звук, пыль осыпалась с его лица и белому земному свету предстал простой российский гражданин с радостно блестящими глазами и сжатым правым кулаком, из которого проглядывала ткань инопланетного происхождения.

Через секунду сквозь эту ткань выпяливались тёмно-жёлтые ногти больших пальцев его ног, а ещё через минуту бледный кусочек кожи зада Сергея, огромным глазом выпучивавшийся из дыры в трусах, закрыли праздничные бостоновые брюки, – единственное наследство, оставшееся ему от давно утонувшего в луже отца, которому в свою очередь они достались от его отца.

– Бедный папа! Знал бы ты, кем скоро станет твой сын, порадовался бы за меня! – изрёк Сергей длинную фразу и... безвольно опустил тощий зад на кровать. – О, боже! Где же я возьму доллары, чтобы открыть счёт, если и рублей-то нет!

Решение созрело моментально.

Опять-таки через минуту Сергей стоял на лестничной площадке и настырно долбил кнопку звонка соседки Любки, которая всегда долго смотрела в глазок, перед тем как открыть дверь. За глаза кое-кто из соседей звал её лохушкой, она об этом знала и плевала на них с высоты в прямом и переносном смысле. В прямом – с балкона пятого этажа, в переносном – перенося тягучую слюну из своего огромного рта на постылые двери злыдней, а в злыднях у ней ходили жильцы всего подъезда, кроме благовоспитанного соседа Сергея, который при встрече, когда был не очень сильно пьян, узнавал её и протяжно произносил: «Здра-а-а-сте Ва-а-м, Любо-о-вь Аки-и-ньфедна!»

Прошла минута, за ней вторая. За дверью тишина, но Сергей знал, что Любка смотрит на меня в глазок и принимает решение, которое может перевернуть всю его жизнь, – поставить с шатающихся ног на твёрдо-стоящие на земле.

На третьей минуте что-то звякнуло, потом брякнуло, затем пискнуло по ту сторону двери, и она распахнулась во всю свою мощь – узкую щёлочку, сквозь которую показался левый Любкин глаз.

– Чё тебе, Серь? – проговорила щёлочка Любкиным голосом.

– Я... эт... того... знашь!? – проямлил я.

– Не-е-е! Не знаю, а чё?

– Эт... знашь... дай денег! Я миллион выиграл!

– А када отдашь?

– Да... вот... как получу пособие по безработице! Сразу и отдам, с процентами! Рупь нормально?

– Нашто мне твои проценты, я тебе и так дам! Скок надать-то?

– Да штоп... того... значит... штоп доллараф купить.

– Значит, тридцать рублёв хватит. Я курс знаю! – гордо проговорила Любка и хлопнула дверью, закрыв видимое и разговорное пространство.

Через пять минут, во вновь открывшуюся щёлочку, Любка высыпала в ладонь Сергея монеты и без напоминаний о возврате долга растворилась по ту сторону закрывшейся двери.

Сергей пересчитал мелочь. Было ровно тридцать рублей.

Вечером, перед ночным отдыхом, он ещё раз осторожно открыл сберегательную книжку, любовно и с замиранием сердца посмотрел на короткую, но милую строчку в ней и, пошевелив губами, прочитал: «Зачислено один доллар».

Прозрение.

С трудом открыв слипшиеся глаза и протерев их опухшими кулаками, Сергей широко и протяжно зевнул, потянулся до хруста в плечах и умилено улыбнулся, вспомнив приятные моменты прошедшего дня.

– Тэ-э-экс-с-с! – протяжно выдохнул он многозначимый для него звук и перевёл взгляд, до сих пор упирившийся в противоположную стену, вправо и... замер. Глаза, радостным сиянием сглаживавшие опухлость лица после ночного сна, бледнея под натяжением каких-то тонких нитей, мгновенно протянувшись к ним из неведомой глубины, застыли в недоумении. Через миг в них вспыхнул ужас открывшегося явления – пустого стола.

Старенький стол с облупившимся лаковым покрытием, стол уютненько притулившийся в углу у окна, стол на котором стоял персональный компьютер – был пуст. Мертвенная бледность хлынула к его лицу, и из похолодевшего сердца тугим потоком вырвался душераздирающий рёв. «А-а-а! Где-е-е?!»

С испуганным лицом, покрывшимся малиновыми пятнами от столь истошного крика, в крохотную спальню вбежала дородная женщина, – жена Сергея, и уставилась испуганным взглядом на дрожащую руку мужа, указывающую в сторону стола.

– Г-г-где он? Где? – уставившись на жену затуманенным взглядом немигающих глаз, ревел он.

– Кто... он? – узрев, что её спутник жизни живет некуда, спокойно проговорила она и расслабленно выдохнула звучную струю воздуха.

– Компьютер! – рявкнул муж, не отрывая обезумевший взгляд от супруги.

– А он у тебя был? Совсем ополоумел, утроба твоя ненасытная! Ты хошь помнишь, где ты и какое сегодня число? Али совсем память отшибло?

– Я... а... а...а... чё? Я так, я для... веселья, – полностью очнувшись от сонных грёз, пробормотал Сергей и обессилено опустил руку.

– Я тебе щас такое веселье покажу, что не обрадуешься! Вставай, пьянь утробная! И форточку открой! Дышать от твою перегарища нечем! – ответила его дородная суженная и, не спеша, покинула узкий проём двери.

Сергей нехотя откинул лоскутное одеяло со сбившейся в углы ватой, кряхтя спустил с металлической панцирной кровати ноги, и раздражённо фыркнул на узенький лучик солнца, пробившийся сквозь заледенелое окно. Лишь кровать радостно скрипнула, когда лучик коснулся её потускневших металлических шариков.

Шлёпая босыми ногами по голому полу, Сергей проследовал к умывальнику, открыл кран с синей меткой, на кран с красной даже не посмотрел, зная, что из него даже и по праздникам не каплет. Омыл лицо двумя пригоршнями воды, фыркнул, но не от удовольствия, а от обжигающего действия ледяной струи, и буркнул: «За что только деньги платим! – На гвозде, вбитом в дверной косяк, висело новое вафельное полотенце. – В честь какого праздника? – удивился он, шаркнул им по лицу и заученным движением направился на кухню, откуда неслись приятные запахи, но не они звали его, а настенный отрывной календарь, листки которого не позволял срывать никому.

Во рту было пакостно, голова трещала, как переспелый арбуз, но от предвкушения надвигающегося действия, его настроение слегка приподнялось, возможно, подействовало на него

и умывание, но, как бы то ни было, к кухонному косяку двери Сергей подошёл с лёгкой улыбкой.

– К-к-ка-а-как?! – уставившись на календарь, пришпиленный гвоздём к обшарканному косяку, заикаясь, протянул он и резко повернулся к жене, проливающей слёзы над кухонной доской приютившей худые дольки репчатого лука.

– А вот так! – ответила она и утёрла рукавом ситцевого халата катящиеся по лицу слёзы.

– Но сегодня тридцать первое! А я вижу...

– Очнись!

Толстенный новенький календарь, украшая своей плотной красотой давно забытый краску косяк, вырисовывал большую красную цифру 1. Ниже этой цифры стройной шеренгой выстроились красные буквы Я Н В А Р Ь.

Сергей посмотрел на окно. Под напором лучей солнца его стёкла обливались холодными слезами.

Шёл первый день нового 1995 года!

Глубоко вдохнув «горчичную» порцию воздуха и тяжело вздохнув, Сергей устало опустился на табурет у стола и мысленно проклял свою нищенскую жизнь.

Вдохновение (Сон в новогоднюю ночь)

Я ждал её звонка неделю. Последний раз она звонила в воскресенье вечером. Позвонила и сказала, что очень занята и не может пригласить меня к себе. В ответ я бросил, что не очень-то и хотел её видеть, в душе, конечно же, желая влиться в её сладкие уста моими губами.

Сегодня суббота. Полдень. Раздался звонок, я рванул к телефонному аппарату, он у меня в гостиной комнате, а я в то время был на кухне и пил чай из смородиновых листьев. Чудесный чай, аромат растворяется аж во всём организме, – обволакивает сердце и наслаждает душу, но разговор не о нём, хотя нет, о нём, но только... Отставить! Всё по-порядку.

Итак, она позвонила, я резко рванул в гостиную комнату, подбежал к аппарату, вцепился в трубку и, что было силы, потянул её к себе, но она не поддавалась, как будто кто-то приклеил её. Через миг я почувствовал, что она, становясь эластичной, стала выскользывать из руки. Я крепче сжал её, и пальцы уткнулись в какую-то кнопку. Я машинально вдавил её и в тот же миг из самого аппарата, а не из трубки, кто-то прокричал: «Как ты мне надоел, паразит!»

– Вот те на? – удивился я, и ещё сильнее вдавил кнопку. На сей раз трубка пискнула, и из неё прилетел шлепок, от которого загорелось моё ухо. – М-м-м! – застонал я и механически ещё сильнее вдавил кнопку. Трубка взбесилась и крепко ударила меня в бок, затем выплюнула из себя: «Паразит!»

Я осторожно опустил трубку на аппарат, но прежде чем она легла на рычаг, услышал ещё две ласковых фразы: «Паразит надоедливый! И когда ты...» – дальше я не расслышал, а в голове зрел план.

– Ну, погоди! Ты у меня за всё ответишь, – и за ухо и за бок! Щас приду и так накостыляю, мало не покажется!

Моё сердце трепетало от предвкушения сладостной мести, ноги носили по комнате, а глаза вращались в поисках носков. Дорога была каждая минута, но носки, как нарочно, кто-то «слизнул языком».

Шло время, носки бесследно исчезли и тут внутренний голос надоумил меня пошарить рукой под диваном. Я распластался на паласе, по самое плечо засунул руку в узкую щель – между полом и диваном, и стал тщательно исследовать пыльное пространство, бубня нелестные слова в адрес объекта поиска. Вот моя рука нащупала что-то пушистое, я ухватил это нечто и оно, гаркнув голосом милой, приложилось когтями к моей кисти. Кровь брызнула из неё.

– Ой! – вскрикнул я и в тот же миг, как из тумана, на меня наплыли её пылающие гневом глаза. – Царапается что-то гаркающее, а при чём здесь её глаза? – не успев разгневаться, мельком подумал я и представил, с каким величайшим наслаждением она сейчас отхлёбывает, может быть даже из моей чашечки с голубой каёмочкой, золотистый напиток. Я даже почувствовал их благоухание, – запах моей милой подружки, орошающей пространство вокруг себя ароматом прелой соломы и аромат чая «Вдохновение» насыщенный эфиром болотных трав.

Вытаскивая из рёбер батареи отопления злополучные носки, я устремился к шифоньеру. Там был мой парадный костюм.

Через час, одетый как денди в новый костюм, доставшийся мне в наследство от прапрадеда, я покинул опостылевшую на девятом этаже малосемейку, из которой ничего, кроме шастающих туда-сюда ног и ножек, туфелек на каблучках и стоптанных штиблет, не видел, и поднялся на лифте на первый этаж, где в одной из восьми квартир, по четыре с каждой стороны длинного коридора, меня ждала моя ненаглядная с пакетиками чая «Вдохновение».

Я забыл о горящем ухе, о ноющем боку и даже о кровоточащей руке. «Вдохновение» пересилило физическую боль и злость на мою ненаглядную.

Её квартирка очень нравилась мне. С балкона гостиной был виден, как на ладони, весь город, и прежде, чем вкусить ароматный напиток, я выходил на него и любовался красочным пейзажем. В сероводородном дыму город трепыхал, как бабочка крылышками, отчего он казался летящим в бескрайнюю даль. В такие минуты я был готов, вдохнув его пьянящий воздух, так же затрепыхать чем-нибудь, и полетать над проводами, трамваями и троллейбусами, но меня всегда удерживала любовь к чаю «Вдохновение», который, соверши я данный поступок, незамедлительно выхлебала бы моя милая. «А та-а-ам, – в облака-а-ах... так прекрасно и легко. А та-а-ам... мне летать и летать охота! Но там мне не дадут его, – мой любимый напиток, – спускаясь с заоблачных мечтаний в будничную реальность, думал я, и покидал балкон подруги. Хотя нет, лгу! Прежде, чем покинуть балкон, я с высоты первого этажа впиался взглядом в женщин. Мне нравились раскованные дамы в глубоко декольтированных платьях. Вид был потрясающий. После просмотра женских прелестей, будничность превращалась в праздничную действительность, и я с приподнятым настроением входил в гостиную комнату милой подруги, но это всё раздумья. Действительность была иной.

Я поднялся на первый этаж, подошёл к двери, где меня ждала любимая чашечка с голубой каёмочкой, и вдавил кнопку звонка.

– О, Боже! Когда же это прекратится? Ох, и паразит же ты! – услышал я приглушённый металлической дверью голос милой и понял, что она рада моему приходу.

Сердце моё зашло от предвкушения близости с ней, и я облизал пересохшие губы. Ощувив знакомый вкус, я вдохнул аромат, исходящий от неё через закрытую дверь, и голова закружилась от надвигающегося тепла, тепла моей милой чашечки с голубой каёмочкой, в которую я страстно желал впитаться губами.

Резко распахнулась дверь, и я увидел её, милую пальму в кадучке, а рядом столик с двумя чашечками.

– Родная, как ты мила! – воскликнул я, и от избытка чувств шлёпнул подругу по животу.

– Ну, ты... паразит! – откуда-то издали прилетел голос подруги, и её маленький кулачок уткнулся в мой глаз, а вскоре и она сама впорхнула в прихожую из гостиной.

Полюбовавшись праздничным фейерверком, я мысленно поблагодарил её за подарок, а вслух сказал: «Тебя две?»

Милая подруга не ответила, видимо она не слышала не только мои слова, но и то, как я зашёл в её уютную квартирку.

– Да, и пусть себе, – подумал я, – одна или две, какая разница. Моя чашечка на месте, а остальное трын-трава, – шаркнул ногами о коврик на лестничной площадке и чётко услышал новый каскад приветливых слов подруги: «Вот же, паразит! И когда же ты угомонишься?» Её слова дали мне понять, что настал мой звёздный час и пора мчаться на балкон. Будучи там я запутался в развешанных для просушки трусиках подруги, и хотел в порыве негодования, оттого что они мешают обзору любимого пейзажа, разорвать их, но резкий хлопок снизу, а затем и ударивший в нос запах сероводорода остановил мой порыв. В связи с этим резко отпало желание созерцать «город на ладони» и назрела необходимость заткнуть не только ноздри и рот, но и уши, что я немедленно и сделал, накинув на голову первую попавшуюся в руки тряпицу, которая, как в дальнейшем оказалось, предназначалась совсем для другой цели, а именно: для прикрытия некогда белоснежных сопков милой подруги, ныне осевших под грузом прожитых лет.

Мрак сковал мои глаза, я выбросил руки вперёд и, обшаривая ими чёрное пространство, зашаркал ногами в его пустоту. В тот же миг до моего слуха долетели слова: «Паразит, когда же ты успокоишься? И перестань шаркать ногами! Всё бельё посбивал... и руки твои пакостные... – Вслед за этой недоговорённостью, подруга с новыми словами впиалась ногтями в мою правую кисть. – Что ты там потерял, паразит?»

– Ничего! – буркнул я и вылез наружу, более удивившись резко посвежевшему воздуху, нежели не рассосавшемуся мраку. – Ты где? Я ничего не вижу.

– Сейчас ты у меня всё увидишь, – ответила подруга и приложила свою руку к моим глазам. Я действительно прозрел, чему был несказанно рад, но более всего, конечно, тому, что она стояла передо мной одна. Я мысленно потёр руки и, проговорив, также мысленно: «Слава тебе, Господи! Не надо делить на троих!» – направился к столику с чашечками, к сожалению пока ещё не испускающими нежнейший болотный аромат чая «Вдохновение».

– На троих! – взревела она как гудок паровоза. – Ты за кого меня принимаешь, паразит ты этакий!

Я молчал, вращал глазами и ничего не понимал, а моя милая всё больше распалась.

– Делить на троих?! Да как только язык у тебя повернулся сказать такое, выродок, недоносок головоногий!

– Почему головоногий? Никакой я не головоногий! Голова у меня не лысая и ноги мохнатые, даже на груди кущи и дебри непролазные! – думал я, продвигая руку в чашечке.

До чего же ты мне надоел, паразит! Вздумал меня делить! Да, я тебя сейчас... прибью!

Вслед за этими грозными словами в гостиную вошла сама хозяйка этих слов, – моя подруга, но почему-то с моим закопчённым ковшом, из которого вился парок. Я замер, но не из жадности или боязни быть прибитым, а от понимания приближающегося мига наслаждения чаем «Вдохновение». Мне хотелось выразить слова благодарности, но вместо них я сказал: «Ты когда это поселилась в моей квартире? Я тебя к себе не приглашал и не разрешал брать без моего разрешения мою посуду!»

Моя милая была от меня метрах в пяти, но это не было для неё препятствием. Пощёчина не заставила себя ждать.

– О-о-о-о! – застонал я от боли и, предвидя, что за первой пощёчиной последует вторая и третья, выбросил руки вперёд и, махая ими, как бабочка крылышками, побежал прочь от милой.

– Вот же паразит, ещё и лягается! – услышал я её голос у самого уха и прекратил бег, при этом и остановив работу рук.

– Давно пора угомониться, – сказала она и поставила на большой квадратный стол, за которым я сидел в ожидании мига наслаждения, заиндевевший кофейник, затем подошла к пальме и надломила её макушку. Пальма пискнула и раскрылась экраном телевизора, с которого лилась желанная реклама чая «Вдохновение».

– Всё! Опоздали! Не успеем! – тихо проговорил я и с протяжным стоном ударил кулаком по колену.

– Зато успею я, – проговорила подруга, после чего я почувствовал жгучую боль в глазах, а не в колене. Экран сверкнул радужным фейерверком, затем сверкнули искрящимся льдом бедра подруги, нырнувшей в него по... ну, по эту, а может быть по ту самую... ну, да ладно, постараюсь выговорить, если прошевелит пересохший от жажды язык, по самую по-пе-по-па-по-пы-по-пу. Пока выговаривал столь длинное название того, что ныряло, подруга уже стояла возле стола и радостно улыбалась. В её руках поблёскивали пакетики чая «Вдохновение», выловленные из телевизора.

Я возликовал и вспомнил, что, направляясь на чаепитие, прихватил для любимой подруги подарок.

– Знаешь, что у меня есть? – обратился я к ней и, не дожидаясь ответа, сунул её руку в мой карман. – Там подарок для тебя.

– Пропади ты пропадом со своим подарком! – взревела подруга, и ударила по подарку своей тяжёлой ладонью.

От восторга я крепко сжал глаза и оказался на крыше дома, где купил сто граммовую пачку чая «Бодрость».

И вновь я стою у двери квартиры подруги и жму на красную кнопку звонка. Пространство за дверью молчит. В радужном настроении я пинаю её дверь, посылаю милую не только последними, но и первыми словами на кухню за кипятком, и иду к столику у пальмы.

В знак благодарности за ласковые слова моя ненаглядная хлопнула дверью перед моим носом и, стоя на лестничной площадке, я ясно услышал её доброжелательную тираду: «Ну, ты и паразит! Болтался... невесть где, а сейчас покоя не даёшь! Угомонишься ты сегодня? Или мне угомонить тебя?»

Угомонение не заставило себя ждать. «Нежное» касание её пятки моей голени привело меня в восторг. Я расцвёл, как майская роза, и хотел ответить ей, если и не нежными поглаживаниями её увядшего лица, то хотя бы словами благодарности, но... милая подруга канула, как в воду, а расточать любезности пальме, под которой я расположился, почему-то не было желания.

– Поднимайся! – проговорила она, ухватив меня за правую руку. – Видно без чая «Вдохновение» ты так и не угомонишься!

– Подожду здесь, возьми лучше «Бодрость», – ответил я и повернулся к ней спиной.

– Ах, ты так! Ну, я тебе сейчас покажу бодрость! – ответила она, затем рывкнула мне прямо в ухо. – Паразит! Злыдень! Утроба твоя ненасытная! Что б ты сгинул, нечисть окаянная!

– Тише можешь? Ты мне мешаешь! – буркнул я, всё ещё не поворачиваясь к ней.

– Ах, теперь я уже тебе мешаю! Ну, погоди, водкохлёб окаанный! – ответила милая подруга и выпалила новую тираду из нежных слов.

– Ладно, замолчи! Завтра я тебе подарю «Вдохновение». Вырежешь логотипы и обязательно выиграешь чайный сервис. Будем пить вместе, и каждый день.

– С тобой... вместе? Никогда! – ответила она, да так твёрдо, что я поперхнулся и вылил на её прекрасный палас всё содержимое моего желудка.

– А-а-а-а! – взревела она и погладила меня по макушке своей кувалдой-кулаком. Остатки содержимого желудка, подкатившие к горлу и стремящиеся вырваться наружу, провалились туда, откуда секунду назад пытались вырваться, и в утробе стало так хорошо, что она заурчала от удовольствия. Одновременно с этим кто-то позвонил в дверь.

– Гостей нам не надо, – проговорил я, утирая рот кулаком.

– Сам-то ты кто здесь? Не гость ли? Толку-то от тебя. Напьёшься, а потом...

Я вновь поперхнулся, отчего заложило мои уши, и уже не расслышал продолжения её речи.

Я открыл глаза. Надо мной колыхался серый потолок и в паутине чёрная, некогда прозрачная, стеклянная люстра.

Я лежал в двухспальной кровати с панцирной сеткой. В голове шумело, во рту скакал эскадрон гусар летучих.

– Хорошо погулял, – сказал я, пытаюсь припомнить с кем, сколько и где.

– Долго ещё валяться будешь, за полдень уже перевалило, – донеслось откуда-то изда-лека, затем некоторое затишье и, – утроба твоя ненасытная!

Покинув кровать, я побрёл на голос.

– Сколько раз тебе говорила, не можешь пить – не пей. Все люди как люди, веселились, а ты уже в десять завалился и... да ну тебя, вспоминать аж противно. Мало того, всю ночь что-то бормотал и брыкался как конь, да ещё руки твои блудливые... тфу на тебя, пропойцу!

Мир вступил в новую эпоху. Был первый день нового 2000 года.

Часть 2. Повести

Дверь

Глава 1. Дело №

1994. В милиции.

Капитан Целебровский сидел на столе и думал вслух.

– Странное дело. Я такого не припомню, да и в архивах не встречал. И что самое странное... так это способ убийства.

– А чего странного-то? – откликнулся лейтенант Жигалов, сидевший за своим столом напротив стола капитана. – Это у нас в глубинке пальба на улице да ещё из автомата в диковинку, а в других городах, – ткнув большим пальцем правой руки вверх, – обычное дело. Тут надо покопаться в мотивах, выявить связи, так, глядишь, всё и встанет на свои места.

– Мотивы... связи, – задумчиво. – Оно конечно... у мужика под полтинник лет связи само собой есть и мотивы найдутся. Только вот, – капитан почесал затылок. – Вопрос ко всему этому есть. Кто он такой, этот Шелепов? – Целебровский опустил взгляд на лист бумаги, лежащий прямо перед ним на столе. – Николай Григорьевич, сорок восьмого года рождения, кандидат наук, сотрудник НИИ. Разведён, бездетен. И никогда ничем секретным не занимался, – хмыкнул, – а тут иномарка... с номерами забрызганными грязью и автоматный огонь... из салона с тонированными стёклами. Нет, не тот это человек! Не тот!

– Ты забыл сказать, что этот учёный занимался коммерцией, – цыкнув правым уголком губ, проговорил лейтенант.

Капитан почесал правый глаз, потом потёр костяшками больших пальцев оба глаза, помотал головой.

– С этими бумагами скоро совсем ослепну. Глаза уже ломит. А насчёт коммерции я тебе вот что скажу. Хоздоговоров у института нет, так что на оклад особо-то не протянешь, вот и возил в соседнюю область водку и чай. А до того пытался торговать радиодетальями, но пролетел и остался в должниках перед поставщиком. Сто пятьдесят тысяч деноминированных рублей задолжал, по тем деньгам, – мотнув головой влево, – это 150 лимонов... приличная сумма!

– Вот видишь, и мотивчик есть – неуплата долга. Может ещё какие-нибудь конфликты на почве коммерции откроются, или дела амурные, – в упор воззрился в глаза начальника лейтенант.

– Амурные говоришь? Была у него краля. Ещё до развода похаживал к ней, да только кинула она его, постоянного завела. Решила, не нужен ей женатый временщик. А Шелепов возьми да и разведись, так что, – капитан помял подбородок, – можно и месть жены предположить, и соперничество из-за любовницы, не знала, что у любовницы его новый хахаль появился.

– Вот видишь!

– Ничего не вижу. Ну, кто он, по нашему времени? Голь перекатная. Коммерсант, как же! – с ухмылкой. – Да если бы у него в месяц было пол-лимона прибыли, по-нынешнему 500 рублей так он, поди, от радости до потолка прыгал. Коммерсант. Ты скажи ещё политический деятель, в прошлые выборы листовки Блинова клеил. Нет! И Шелепов, и жена его, и подруга, и соперник, и даже поставщик, которому он деньги задолжал – все они не из того круга, где ездят на дорогих иномарках и шмаляют из автомата. Вот если бы его запинали у подъезда, зарезали, отравили крысиным ядом, ну, застрелили из дробовика – я бы искал мотивы в его жизни. Автомат, мерседес... а, – махнул рукой капитан, – пусть даже тойота, всё это не для Шелеповых, да и сам он не стоит затраченных на него патронов. Тут одно из двух. Либо его за кого-то другого приняли, либо он случайно напоролся на тайны больших, либо крутых людей. Так что из этого и исходи, лейтенант. Честно скажу, на мой взгляд, дело дохлое.

Всё что можно было сделать по горячим следам, мы сделали. Люди нужны на других делах, а тебе надо с чего-то начинать. Так что считай это учебной практикой.

Вера Земнухова.

Жигалов, хотя ему и стукнуло тридцать, милиционер был свежееиспечённый. Обычное дело – по специальности работы нет, а в органах нашлись знакомые, порекомендовали. По анкетным данным и тестированию подошёл, потом краткосрочные курсы и с учётом того, что за плечами институт с военной кафедрой, получил лейтенантские погоны и был направлен в оперативный отдел милиции.

С чего начинать расследование Жигалов не знал и для начала решил найти Веру Земнухову, что была любовницей или подругой погибшего. Правда, была ещё жена, но с ней Шелепов больше года не жил, и Жигалов решил отложить знакомство с ней на потом.

К Вере Степановне лейтенант Жигалов явился вечером и был принят на кухне.

– Первокласница, уроки делает, – кивнув в сторону дочери, – проговорила хозяйка.

«Первокласница... для женщины сорока шести лет поздновато», – отметил Семён но, разумеется, промолчал.

Хозяйка угостила его чёрным кофе и даже со сладким. Откуда? Впрочем, Земнухова явно не бедствовала. На столе были конфеты, причём не из самых дешёвых и на вешалке висело кожаное пальто явно не из советских запасов.

– Вы, я гляжу, сумели приспособиться к рыночной экономике, в отличие от вашего друга. А что же ему помешало?

– Господи, да я сама только-только вздохнула немного. Всего полгода, как нашла место в коммерческом банке – вот и отъелась немного. А в НИИ работала, зубы на полку не раз клала. Если б не отец с фронтовой пенсией, не знаю, что бы с дочкой делали. В банк попала, естественно, по знакомству, хорошо, нашлись связи, да я и экономист по образованию. А Николай... Знакомств у него полезных не было, да он и не пытался их искать, – горестно вздохнула Вера Степановна. – Вообще он был не от мира сего. Талантливый учёный, а пробиться не мог. А почему? – развела руками с одновременным сжатием плеч. – Не знаете?! – увидев заинтересованный взгляд гостя, продолжила. – А я скажу почему. – Вера Степановне склонилась к Семёну и проговорила заговорщицким тоном. – Потому что в институте еврейское засилье. Коле не давали дороги исключительно потому, что русский.

Семён отодвинулся, не любил, когда собеседник приближался к лицу слишком близко. А эта женщина, с яростно горящими глазами, разговаривающая то на повышенных, то на пониженных тонах с переходом на злобный полушёпот, была ему неприятна.

Поначалу Семён подумал, не еврейка ли она, уж очень была смугла и черноволоса, и глаза не по-русски большие и чёрные как смола.

– А вот мне ведомо, что в институте и директор, и зам по науке русские. Завлаб, правда, татарин, да и евреев не так уж много, чтобы говорить о засилье, – пристально взглядываясь в жгучие глаза брюнетки, проговорил лейтенант.

– Вот, вот, и Коля так же говорил. Но евреи берут не числом, а организованностью и хитростью. И директор, и замдиректора и ведущие завлабы – масоны! Да, – махнув рукой, – что в институте – в стране! Вы разве не видите? Сейчас, правда, в правительстве появились патриоты, понемногу выживают евреев. А вот Коля понять этого не мог. Он ведь русский до мозга костей, но был очарован этими демократами. Не видел, что эти завлабы-масоны только формально руководят институтом, а на деле ими манипулируют скромные кандидатики—еврейчики, которые главенствуют в масонских ложах. И вы знаете...

Дальше Семён уже вполуха слушал обычный трёп юдофобствующей дамочки, только иногда сочувственно мычал и покачивал головой.

Когда в излиянии Веры Степановны появилась брешь, Жигалов проговорил:

– Я гляжу, Николай был вам дорог. Если не секрет, каковы были ваши отношения? Вопрос о браке не стоял?

Глаза Веры Степановны притухли, нет, не потухли, а именно притухли, но в них исчез огонь фанатизма и искры ненависти, хотя до живого человеческого света с высоким накалом в них было ещё очень далеко.

– Скажите прямо, Вера Степановна, – вы были любовниками или нет?

– Дура я набитая! Сделала его своим любовником, каюсь! – тяжело вздохнула женщина, – И друга хорошего потеряла, и любовника стоящего не приобрела. После первой же близости нам как-то встречаться стало неловко и всё пошло прахом.

– Я думал, что секс укрепляет дружбу мужчины и женщины.

– Просто вы не верите в такую дружбу. Напрасно. Вот только сексу в такой дружбе делать нечего. И отношения здесь должны быть куда более доверительными, чем между двумя друзьями или двумя подругами. Появились закрытые для разговоров темы, умолчания – всё, дружбе конец. Начинается взаимная игра. А игра мужчины с женщиной ведёт в постель.

– Ну, а чем это плохо?

– Видите ли, отношения любовников с самого начала предполагают тайну, недоговорённость, игру словами. Это из любовников, когда они исчерпают романтику, тайну, могут получиться хорошие друзья, а из друзей... одна физиология. Вот и у нас появилась запретная тема – политика эта чёртова, а как в наше время о политике не говорить? Вот и возникла дыра в отношениях. Я попыталась эту дыру заполнить сексом, но, – вновь махнув рукой, – кого там, ещё больше отдалились.

– А жена Николая об этом знала?

– О нашей дружбе она отлично знала, но пока Николай был женат, я не позволяла себе связь с ним. Это уже потом, когда он развёлся.

– Вот вы говорите, что давно дружите. А за это время, простите, что я об этом, вы как-то пытались наладить свою личную жизнь?

– Нет, вы не там ищете. У меня хватало ума не представлять его своим мужчинам, даже с отцом моей дочери он не знаком. Повторяю, не там вы ищете. В институте масонско—сионистское гнездо. Коля же занимался научным изучением магии. В частности – геомантикой, изучением энергетических каналов земли.

– Но как это могло повредить сионизму?

– О каббале слышали? Могущество евреев на магии держится. Есть тайные ходы, по которым можно попасть из одной точки земли в другую за считанные минуты. Одни из этих ходов контролируют светлые силы шамбалы, а другие тёмные каббалы. А что такое каббала? Это магическая книга иудеев. Масоны высших градусов, а это только евреи, посвящены в тайну этих ходов. Вот Коля, изучая энергетические каналы земли и вышел, сам того не зная, на секреты каббалистов.

Жигалов глядел в засверкавшие огнём чёрные глаза собеседницы и не знал, что и думать. Уж больно это всё отдавало кабинетом психиатра, но он-то не медицинский окончил и в вопросах психики человека не разобрался.

– Знаете, это как-то неожиданно, конечно, всё может быть, но... – лейтенант сделал паузу, не отводя глаз от лица Веры Степановны, – но, насколько мне известно, в институте он работал над совсем другой темой. Он изучал влияние линий высокого напряжения на окружающую среду и на это тратил всё своё свободное время.

– Э-э-э, да вы мне не верите, – качнув головой проговорила женщина. – Вот и Коля не верил. Связался с этим еврейчиком Вассерлауфом, а уж он-то наверняка был глазами и ушами масонов.

– А как этого Вассерлауфа найти, не подскажете?

– Да они вместе в институте работали.

– Понятно. Но всё-таки, может Николай случайно сталкивался с кем-то из ваших друзей? Или может у него появилась женщина?

Лицо Веры Степановны вдруг сжалось, глаза сузились (он и не предполагал, что такие огромные глаза могут так сузиться), губы собрались в ниточку.

– Так-так, – покачивая головой, – гляжу, вы всё пытаетесь увести разговор в сторону от истинных виновников, – сокрушённо проговорила Вера Степановна. – Неужели же и у вас сионистами всё схвачено? Всё, извините, дочь зовёт, мне надо посмотреть, что у неё с уроками. Если понадоблюсь, вызывайте повесткой.

Что можно было сделать после этого? Только откланяться, и поблагодарить за угощение. Что лейтенант Жигалов и сделал.

Вассерлауф.

Тихо открыв входную дверь, лейтенант Жигалов вошёл в маленькую ювелирную мастерскую и увидел низенького, средней полноты человека. Не то чтобы сутулый, но слегка наклонившийся вперёд и вправо, человек, нескладное тело которого, казалось бы, должно сковывать движения, быстро передвигался по своему рабочему закутку.

Вассерлайф, а это был он, вероятно, был чем-то обеспокоен или даже встревожен.

– Сутулость, конечно, профессиональная, – определил лейтенант, – но возбуждение... в этом что-то есть. С чего бы? Хотя... это может быть связано с его работой. Что-нибудь испортил, или не так, как нужно сделал... Ну, да ладно, там видно будет, – молниеносно пронеслось в его голове.

Вассерлауф был не просто типичным, а карикатурным евреем – черноволосый, но с синими глазами, курчавый и с крючковатым носом. Он то садился, то снова вскакивал, делал несколько шагов по рабочему закутку своей мастерской, опять садился на большой железный табурет с мягким обтянутым дерматином сиденьем, елозил на нём и снова вскакивал. Был возбуждён и не сразу обратил внимание на то, что в мастерскую зашёл посетитель и смотрит на него. А мастерской Вассерлауф обзавёлся почти сразу после ухода из института.

Всё действие, происходившее в мастерской, длилось не более пятнадцати секунд, но за это время лейтенант успел определить, как ему показалось, главное, ради чего пришёл сюда. А хозяин мастерской, увидев посетителя, очнулся от своих мыслей, невероятно резко остановил беготню и, склоняясь, расплылся в приветливой улыбке, руки при этом согнул в локтях и прижал к бокам тела, давая понять всем своим видом, что безмерно рад гостю.

В молодом человеке, стоящем в зале мастерской, ювелир сразу разглядел важную личность, поэтому и принял гостя с высоким почтением. А после удостоверения, которое он даже и не разглядел, и услышанного: «лейтенант милиции Жигалов», из всего нутра Вассерлауфа хлынули доброжелательность и гостеприимство. Низко склонив голову и ещё более скособоившись вправо, ещё шире раскрыв рот в улыбке, тихим, заискивающим голосом проговорил:

– Вы, господин, простите, не знаю, как сейчас принято обращаться к представителям власти, вы верно по важному делу. Так, давайте для начала чайку выпьем. Надеюсь, вы не торопитесь?

В душе, конечно, Вассерлауф не желал видеть у себя подобных людей, как впрочем, любого представителя власти или криминальных структур, но своим гостеприимством надеялся сыскать к себе расположение со стороны таких важных и одновременно опасных лиц.

«Что-то в нём есть, в этом ювелире, – подумал лейтенант. – Надо бы присмотреться к нему, а посему беседа в спокойной обстановке, за стаканом чая, будет уместна».

– Мент он конечно и есть мент, будет заходить издалека, хотя... этот вряд ли, молод, не опытен, всё сразу и в лоб выдаст, но всё же надо быть настороже.

Первое, с чего решил начать ювелир, с чая и разговора о себе, как бедном человеке.

– В геологии, видите ли, любая работа начинается с чая. Я, правда, сейчас хоть и не в геологии, но всё-таки с камнем работаю. Хорошо, что камнерезным делом ещё с ранних лет стал

увлекаться, профессия, правда, ныне не престижная, да и не профессия вовсе, так... хобби, но кормит.

Жигалов не прерывал разговорчивого хозяина мастерской, не спешил со своими вопросами, решил, пусть говорит, авось выскажет что-либо нужное по делу следствия.

– Посмотрите, какой густоокрашенный, и в то же время глубоко просвечивающий нефрит. Редкостный, надо сказать цвет. А, между прочим, этот минерал известен уже очень давно. Мастера бронзового века делали из нефрита оружие и амулеты. А в Древнем Китае из него создавались женские украшения. Так вот знаете ли, господин офицер, если найти верную плоскость распила, будет эффект кошачьего глаза. А это я вам скажу-у-у... Ах, какой это необычайный эффект! Чудо! А вот поглядите на этот кабошончик (кабошон — способ обработки полудрагоценного или драгоценного камня, при котором он приобретает гладкую выпуклую отполированную поверхность без граней), – видите, как по нему бежит полоска света?

На плите, изливая из носика тугую струю пара, зафырчал чайник.

– Извините, чайник кипит, сейчас чаёк заварю...

Пока Вассерлауф заваривал чай, Жигалов огляделся. Мастерская как мастерская. Единственное отличие от любой механической мастерской – камни, и два маленьких станка. Крупные камни валом лежат в левом углу рабочего помещения и под столом, на котором аккуратно разложены какие-то инструменты, микроскоп и миниатюрные тиски. Мелкие насыпаны в обрезанные пластиковые бутылки. Совсем крохотные, уже обработанные, готовые стать серьгами, брошками и перстнями в коробочках из-под конфет, что лежат ещё на одном столе, стоящем у окна. В станках, установленных ближе к правому углу, что-то медленно крутится, капает вода. И всё это пространство мастерской, – от пола до потолка, от правой стены до левой, от входной двери до противоположной стены, окутано своим особым запахом, – свежим ветром, недрами гор, тёплым солнцем, ароматами трав и горных рек, – запахом самой жизни, где нет места ничему искусственному.

– Вот, угощайтесь. Чай у нас в мастерской бесплатный, точнее, его стоимость мы включаем в стоимость продукции. Так что накладывайте сахарку, не стесняйтесь, всё покупатели оплатят.

Семён взял фарфоровую, чуть надтреснутую чашку с густым горячим чёрным чаем.

– И как, хорошо платят покупатели?

– Кого там... – наливая себе чай в стакан в алюминиевом подстаканнике, неведомо каких далёких времён. – Поначалу-то дела пошли весьма неплохо, думали уж бизнес расширять, хорошо – не успели. А сейчас... Для работницы или дамы с базара, торгующей с лотка, наши броши из яшмы в мельхиоре слишком дороги, а для солидных господ – дешёвка. Им подавай гранёный камень в золоте, желателно – бриллианты. Так что сейчас больше ремонтом занимаемся, хотя, лгать не буду, есть круг постоянных покупателей.

Сейчас выгоднее коллекционным камнем заняться, да душа не лежит. Ювелир я, а не камнерез. В девяностом в Москве заехал как-то к приятелю, а у него, куда ни глянь, ящики, да с таки-и-ми кристаллами! – Вассерлауф прикрыл глаза и, медленно покачивая головой, повёл её вверх, одновременно носом глубоко тянул в себя воздух, как будто он был наполнен чем-то благоухающим. – Я руку протянул, а он мне по руке, не трожь. – Вассерлауф засмеялся. – Здесь, сказал, на миллион, да не рублей, долларов. Сейчас мой приятель «новый русский» – коттедж, форд и, говорят, не только под Москвой, но и под Веной. А по мне так из тех бы камней украшения делать, ну, конечно, можно и коллекционные... немного, а всё же таки ювелирные изделия лучше.

Жигалов слушал, не перебивая, но поняв, что разговорившегося ювелира не остановить и в ближайшие пять минут, решил всё же начать свой разговор. Выпив чай и поставив чашку на стол, поблагодарил гостеприимного хозяина и когда тот отвечал принятыми в таких случаях словами: «не стоит благодарности», проговорил:

– Простите, а с Николаем Шелеповым вы по работе были связаны?

– Да что вы, какая может быть связь!?! – выбросив на уровне живота ладонями вверх согнутые в локтях руки. – Разные сектора, он физик, электромагнитные колебания и прочая заумь, а я даже не геофизик, «чистый геолог». И в институт-то попал после закрытия нашей экспедиции. Нет, нас страсть к камню свела. Правда, он не столько был камнем увлечён, сколько всякими мистическими заморочками вокруг камня. Не мне, конечно, судить, но не будь этих заморочек, помиру бы пошёл, наполовину-то с них кормимся.

Вот и ему я делал оберег от колдовства из обсидиана, потом магический отвес из яшмы и даже хрустальный шар для медитации. Сейчас такой шар полмиллиона стоит. Но и тогда – две его зарплаты. Ему я его в кредит дал, ещё и половины не выплачено – увы и ах, – горестно. – Жаль, конечно, Колю, но ведь и денег тоже жаль.

– А что за оберег?

– Да, – махнув рукой, – кулон с магическим трезубцем. Не оуновский падающий сокол, а рога лося.

– А в чём заключались, как вы говорите, заморочки Николая – экстрасенсорика, спиритизм?

– Нет, слава богу, до этого он ещё не дошёл. Начал с астрологии – все эти таблицы, выкладки, а потом – соответствие камня астрологическому знаку, а там... дальше больше, магия одним словом. Шаббала, Каббала. А вот здесь-то рациональное зерно было, но, конечно, не в тайных ходах, на которых был помешан под влиянием своей подруги.

– Помешан?

– Нет, не в прямом смысле. Занимался лозоходством и подкреплял это замерами электромагнитного поля земли, причём свою методику разработал. Фактически это микрогеофизика. Геопатогенные зоны и всё такое. Но его поволокло дальше, какие-то магические линии на карте стал проводить с помощью отвеса, а весной вообще предложил ехать за алмазами. Представляете, с помощью отвеса нашёл на карте месторождение алмазов. Я ему был нужен. Чтобы эти алмазы отыскать на местности нужно уйму времени провести в поисках, а он по карте, сидя дома. Чепуха. Я так ему и сказал, что, мол, ерунда всё это, фантастика.

– Ну и?

– Даже если б я верил, что вот так, поводит грузиком на ниточке и готово, – здесь алмазы. Всё равно бы не поехал. Почему-то думают, геолог подошёл, глянул, и сразу всё увидел, поднял из кустов оковалок золота с конскую голову. А такие находки делаются случайно, на халяву, и геологом здесь быть вовсе не обязательно, нужна серьёзная профессиональная работа, а это серьёзные материальные затраты средств.

– А Николай ездил?

– Нет, далеко не ездил. Так, по брошенным ближайшим деревням ещё с одним чокнутым искали клады. Тот же принцип, крутят своё колдовское веретено над картой, а потом ходят с лозой, и там, где она дёрнется, копают.

– Нашли?

– Во всяком случае, не разбогатели.

– А с кем он ездил-то?

– Некто Устименко. Приходил ко мне в конце прошлой зимы, предлагал камнерезное оборудование. Только откуда у меня такие деньги?

– Скажите, а у Николая не было каких-либо коммерческих дел с этим Устименко?

– Не то чтобы совсем коммерческие. Он, в какой-то мере, спонсировал Николая, во всяком случае, до недавнего времени. Сейчас-то он сам на мели, а ещё вчера ходил пузом вперёд. Снабжал Колю кое-какими детальками по радиотехнике, или электротехнике, я ни бум-бум в этом деле. Николай делал какие-то приборы, я уже говорил, для своих геофизических

исследований, а ещё для опытов с пирамидами. После экспериментов, если что-то оставалось, продавал, что не пригодилось, тоже реализовывал. Даже, как ни смешно, порой прибыль имел.

– Что за опыты с пирамидами?

– Знаете – вся эта шумиха вокруг египетских пирамид, эффект самозатачивающихся лезвий... и всякая другая ерунда многим головы вскружила. Вот он пирамидки-то из разных материалов и делал, помещал их в электромагнитное поле, ток по ним пропускал, таскал по магическим линиям.

– Ну и как результаты?

– Эффектов много, но все на уровне самозатачивающихся лезвий. Там стрелка прибора дрогнет, хотя ей дрожать не положено, там ещё что-то... короче муть несусветная. Правда, как-то по пьяни сказал, что пирамиды это вход в параллельное измерение и он почти раскрыл тайну входа, и когда раскроет, сможет за минуту добраться до Нью—Йорка. Да, так прямо и говорил, мол, запросто твоим друзьям с Брайтон—Бич весточку передам. Но я всерьёз не воспринял. Это дилетантизм, такие вещи нахрапом не делаются. Хотя, – ювелир почесал лоб, – может быть его дилетантизм, метод тыка и вывел его на что-то. Всякое бывает, известно, многие открытия свершались случайно, да и сейчас порой нет-нет и услышишь, что где-то там-то что-то произошло... какое-то открытие. Если эти пирамидки, к примеру, и в самом деле могут указывать на золото, то это, конечно, стоящее дела, а так... ерунда всё, лишняя трата сил и времени. Больше я вам ничего не могу о Коле сказать. Вы лучше посмотрите, – Вассерлауф встал из-за стола и через минуту показал Жигалову необычайно красивый камень, – из такой вот яшмы я сделал Николаю отвес. Северцев, мой конкурент, такую аж из Карелии завёз, а я здесь нашёл, – гордо приподнял голову ювелир, – это моё детище. А вот сейчас погодите-ка, – через пять секунда Вассерлауф сунул почти под самый нос лейтенанту ещё один камень. – Этот кварцит известен ещё с начала прошлого века. Смотрите на переливы. Не авантюрин, конечно, но весьма близко.

– Какое это имеет отношение к Шелепову? – спросил лейтенант Вассерлауфа.

– Никакого! Но камень-то остался. И мы тоже.

– Что сделаешь?

Жигалов так и не сказал Вассерлауфу: «Одни уходят, другие остаются».

Сказал, что в прошлой жизни тоже был геологом. Правда, цветным камнем никогда не занимался, всё больше по глинам. Даже руды, на которых работал, были глинами, кобальт – никелевое месторождение в корах выветривания и флюорит в глине.

Владимир Устименко.

Предприятие Владимира Сергеевича Устименко располагалось на окраине города, но не так чтобы далеко от центра. Лет полтора назад окраина города дошла до этих мест, сползла по террасам в пойму реки и застыла на её краю и на опушке бора. Город разрастался в другие стороны, обрастал заводами, пятиэтажками Черёмушек и девятиэтажками новых спальных районов, а здесь так и стояли бревенчатые избы да дощатые насыпухи. Кое-где в эти ветхие строения вклинивались добротные одно и двухэтажные кирпичные дома, построенные в далёкие времена купцами и зажиточными гражданами города. Да, когда-то эти кирпичные дома занимала знать города, но после революции хозяев «уплотнили», если они не ушли за колчаковцами и если их не расстреляли. Залы в тех домах разгородили фанерными оштукатуренными перегородками, внутренние двери заколотили, и получились бараки, в которых за неимением лучшего жилья можно было вполне сносно жить, – жить в комнатухах по восемь, а то и пять-шесть квадратных метров семье в три, четыре и даже более человек. И жили! Дети спали на чугунной плите печи, летом, конечно, зимой печи топились, плита была раскалена докрасна, на полу и полатах, а глава семейства, если он был, в основном в бараках проживали одинокие женщины с престарелыми родителями и детьми, на узкой железной кровати.

В одном из таких домов располагался офис господина Устименко. К середине перестройки жильцы этого дома, как и других подобных ему, получили квартиры-хрущёвки, и дом стоял пустой, медленно и необратимо разрушаясь. В советское время его разобрали бы на кирпичи и дрова, но сейчас, в годы демократии, после выезда жильцов власти боялись отдать приказ о сносе, опасаясь гнева «неформалов». В стране прорастала и расширялась линия за сохранение «памятников деревянного зодчества». Между властью и народом шла борьба за каждый старинный дом, а реставрацию не начинали из-за отсутствия денег, и дома разрушались. Очевидно, всё это было продумано, мол, разрушатся, тогда уж точно – ничего не поделаешь, придётся снести дом и на его месте поставить супермаркет или автозаправку, или что-либо иное очень нужное новым русским «мандаринам».

Собственно, так всё и произошло и происходит сейчас. Ныне никому нет дела до этих гнилушек. Конечно, будь этот домик ближе к центру, его бы мигом приватизировали из-за места, а здесь никто, кроме Устименко, на него не посмотрел.

Владимир Сергеевич, купив это здание, считал, что совершил очень выгодную сделку, – заплатил за него столько, сколько стоили дрова такой кубатуры. Если бы Устименко умел считать, он бы никогда на это не подписался. Просто купить дрова было бы куда дешевле, чем разбирать и пилить эти брёвна, которые на самом деле, давно иструхлявели внутри и только сохраняли видимость брёвен снаружи, являя собой деревянные полые трубы. О ремонте и разговора быть не могло, новый дом построить дешевле, а жить без ремонта... на отоплении в трубу вылетишь.

Стоял сентябрь, бабье лето и Устименко пока не догадывался, какую обузу на себя взвалил.

Жигалов прошёл по вздыбленному коридору, заваленному ящиками с железяками, открыл дверь с надписью «приёмная». Ни пальм, ни секретарши. Облупленный шкаф, такой же стол, лавки, и белёная печка-голландка.

– Ну что ж, нет секретарши и не надо, – подумал Семён и постучал в следующую дверь с табличкой «директор».

Откуда-то из глубины, как из подземелья, донеслось глухое: «Войдите!»

Семён потянул на себя ручку двери. Дверь со скрежетом, старческим кашлем и тяжёлым скрипом открыла пространство комнаты, из которого на лейтенанта дохнуло затхлостью, сыростью и разложением древесины. Переступил порог, вошёл в комнату.

За древним неказистым однотоумбовым столом с серой выщербленной столешницей сидел, сутулясь, и скособочившись, лысеющий бородатый мужчина. По форме и габаритам он мало чем отличался от столетнего стола как, впрочем, и от своего кабинета, в котором кроме старого стола была колченогая обшарканная этажерка и покосившийся двустворчатый шкаф без зеркала, приваленный к углу у окна.

Подняв глаза, директор выжидательно воззрился на посетителя. В красных, воспалённых глазах директора Жигалов увидел усталость и безысходность. Словом, фигура господина Устименко и весь его задрипанный вид бодростью и оптимизмом не дышали. Конечно, Жигалов навёл предварительные справки о будущем собеседнике, но то, что увидел, поразило.

В советские времена Владимир Сергеевич работал горным мастером в золотодобывающей артели, потом состоял в правлении крупной артели. В золотую кооперативную эру Горбачёва создал кооператив по добыче щебня для строительства дорог. Вначале 1994 кооператив ликвидировали. Устименко получил свою долю, взял кредит и основывал малое предприятие «Форос» по добыче мрамора и мраморной крошки. И вот интересная случайность! Название своему детищу дал ещё до ГКЧП и крымского «сидения» президента СССР Михаила Горбачёва, однако, судя по виду хозяина, название оказалось не удачным и предприятие явно не процветало.

Представившись, Жигалов сел на стул, тяжёлый, надёжный, но облезлый от времени. По виду стул самоделка начала пятидесятых, когда мебель травили морилкой или красили марганцовкой, об этом говорили пятна марганцевого цвета на его спинке.

Устименко молчал, ждал, что скажет представитель власти, с какой целью и зачем он ему понадобился. А лейтенант вместо того чтобы спросить о Шелепине, проговорил: «Что, с бизнесом не ладится?»

– Ликвидирую фирму. Совсем задавили налоги. Получается, что дешевле везти мрамор с Урала, или даже из Италии, чем вести добычу на месте. Но не беда. Продам предприятие, деньги будут, правда, недостаточно, чтобы заняться добычей более благородных камней, кредит возьму.

– А вы что, имеете месторождение?

– Пока нет, но знаю, где они есть.

– Эти месторождения вы нашли тем же способом, что и золото?

– Что за золото?

– Ну, клады, которые искали вместе с Шелепиным, – секунду помолчав, спросил. – Нашли?

– Ехидничаете? Напрасно. Нашли. Но не золото. Горшок с медными монетами нашли. Пистолет капсюльный нашли. Просто в наших деревнях не было по-настоящему богатых людей. А сам метод правилен. Я же экстрасенс и геомагнитные линии определяю и на карте и на местности. Элементарно!

– При чём тут клады и геомагнитные линии?

– Ну, здесь не геомагнитные линии, как таковые, а их искажения, аномалии. Видите ли, когда люди прячут клады, они тратят большое количество психической энергии, которая, аккумулируясь вместе с кладами, влияет на геомантику. А Николай старался доказать, что существуют действительно какие-то изменения физических полей, которые улавливают экстрасенсы. И нашёл. Лозоходцы чувствуют изменения магнитного поля. Не само магнитное поле, а его изменения, а изменяется оно, если я двигаюсь. А большое поле, маленькое... так это разницы нет. Я не отреагирую на сильные поля, если они неизменны, а если меняются, пусть даже очень слабые, почувую.

– Каким же это образом? – не без интереса спросил лейтенант.

– Я не знаю, но Колян толковал, что если сильное поле изменилось на десять, двадцать или даже на тридцать процентов, то я не отреагирую. А вот если изменения больше чем на пятьдесят – почувствую, даже если это изменение очень слабого поля. При большом поле эти десять процентов будут вот таким вот! – Устименко поднял обе руки вверх, – а при слабом поле двести или триста процентов будут вот такусенькими, – опустив руки, показал миллиметровый зазор между большим и указательным пальцами правой руки. – Я чувую не количество, а изменения, но Николай говорил, что дело даже не в магнитном поле. А в чём не сказал. Дело тут, видно, в чём-то другом. Ему, конечно, там со своей колокольни видней, – пожав плечами. – И ведь что удивительно, сляпал какой-то приборчик, который реагирует не хуже экстрасенса, – хмыкнул, – что-то там тоже определяет. Причём даже то, что я не чувую. Во! – Устименко многозначительно поднял указательный палец вверх.

Водил он как-то меня в одно место, здесь, неподалёку. Спросил: «Что тут есть?» – Я ничего особого не ощутил, а он сказал: «Силовые линии, но особого рода. Такие, которые тебе недоступны». – Это мне, значит, они недоступны. Вот! Дом показал и сказал, что во дворе того дома сильнейший узел. Хотел меня туда сводить, но хозяев не было, а во дворе собака, так и не сходили.

– А потом?

– Ничего потом и не было. Всё, о чём рассказал было за неделю до его гибели, – Владимир Семёнович призадумался, явно что-то подсчитывая. – Или чуть больше.

– А приборы эти он в институте делал?

– В институте, но не по институтской теме и не на институтские деньги. Просто делать там стало нечего, а инструмента там всякого полно и приборы есть, и паять удобней, чем дома. Детали-то я ему подбрасывал. Он, правда, мне за них отработывал. Возил радиодетали по соседним городам, продавал. Полученной выручки вполне хватало, даже кое-что оставалось Коле на жизнь, но в последнее время затоварка пошла, цены упали, так что он мне должен остался. Как говорится, расчёт на том свете угольками.

Под ногами Жигалова шуршала опавшая с деревьев листва. Принесло неведомо откуда, на улице, по которой он шёл от Устименко к трамвайной остановке, не было ни единого дерева. В старом приречном районе города деревья давно умерли, как и редкие дома, что, скособочившись, тоскливо взирали утонувшими в земле окнами-глазами на ноги редких прохожих.

– Так кто же он был, этот Николай Шелепин? Не очень удачливый учёный, колдун, или творец чего-то нового? – вороша ногами листву, мысленно говорил лейтенант. – То ли он и в самом деле изобрёл что-то важное, заинтересовавшее чьи-то спецслужбы или коммерческие структуры. А что! – воскликнув, но мысленно, – тоже версия. Завладеть прибором без затрат на лицензии, да ещё самим запатентовать... Да-а-а! Это кое-что! Или со своим прибором налетел на то, о чём ему знать не положено? А что... и такое может быть! – Жигалов призадумался. – Устименко о каком-то доме говорил. Может поинтересоваться? Людская-то цепочка оборвалась. Так ничего и не выяснилось!

Свиридовы.

Выслушав Жигалова, Целебровский задумчиво проговорил.

– Дом говоришь, а во дворе силовые линии сходятся. Ну, это пока можно отбросить, а вот то, что за неделю до гибели он возле этого дома крутился и собирался зайти, – постукивая пальцами обеих рук по столу, как бы игра на пианино, – это уже кое-что.

О доме Жигалов сказал своему начальнику два дня назад, он тогда что-то неопределённо хмыкнул, засадил за какую-то не относящуюся к делу писанину, а сегодня сам напомнил о нём.

– Вот только в домик тот просто так не сунешься, крупные люди его занимают, такие и в самом деле могли тойоту с автоматчиком нанять. Папаша, хозяин дома, заведомо обкома. Конечно, бывший заведомо и бывшего обкома, ныне пенсионер, но всё же. Они, эти номенклатурщики, по сути, никогда бывшими не бывают. Сын его – физик, кандидат наук, ныне бизнесмен. Причём из крупных. Ну и, как сам понимаешь, связи там всякие в администрации области и в ФСБ. Нынче оно что, где связи, там и деньги, а деньги это власть! Тяжело? – посмотрев на Жигалова, но обращаясь не к нему, а спрашивая себя. – Не то слово! Да, – не прекращая тарабанить пальцами по столешнице, – практически невозможно! Невозможно будет зайти к ним в дом, тем более с обыском. Да и какой может быть обыск? На каком основании? С ними только свяжись, сам можешь в такой переплёт попасть, не обрадуешься. У них и в криминальных кругах связи есть. Так что соваться в этот дом с бухты барахты не стоит, – и уже непосредственно к Жигалову. – Ты вот что, сходи-ка лучше к Семёновой Зинаиде Петровне. Она сестра этого папаша и бывший инструктор обкома.

– Почему к ней? – спросил Жигалов.

– Потому что они хоть и одного корня, а вражда у них. Монтекки с Капулеттами отдыхают.

Зинаида Петровна жила одна в двухкомнатной хрущёвке. Муж умер, сын со снохой и внуком жили отдельно. Жигалова встретила, как обычно встречают представителей власти из милицеских структур – сухо. На его вопрос, что может сказать о Свиридовых, ответила вопросом с ответом на него?

– Что я могу сказать о Свиридовых? Мещане, которые всю жизнь отирались у властной кормушки и позорили звание коммуниста.

– Но ведь вы тоже Свиридова.

– Ну, во-первых, я давно ношу фамилию мужа – Семёнова, во-вторых, я вовсе не дочь Петра Свиридова. Точнее, – Зинаида Петровна подумала, говорить или нет, но сказала, – не родная дочь. Он взял мою мать беременной и моим природным, так сказать, биологическим отцом, был некто Никодимов, инженер и офицер белой армии, сгинувший в гражданскую. Я, конечно, поначалу-то ничего не знала. Папа со мной был ласков, не обижал, но, – Зинаида Петровна помяла губами, – но контакта не было. А мать, она что... то выговорит за какой-либо пустяк, то накажет ни с того ни с сего, а когда и целовать начнёт, гладить. Я не знала, что к чему да как, но чувствовала, мои братья у них любимчики, а я так, на последнем месте. Главным любимчиком был младшенький, последыш, Толик. Он уж в двадцать девятом родился, потому и на фронте не был. А средний, Гриша, погиб под Варшавой. Да и росли мы с ним в разное время. В годах так эдак тридцать втором – тридцать третьем нас, – пионеров и комсомольцев посылали дежурить на полях, тогда ставили вышки, вот мы сидели на них и охраняли поля от «кулацких парикмахеров», сейчас-то я понимаю, что это были не кулаки, а несчастные голодные люди, но сами посудите, мы жили государственными интересами. Мы с Гришей были не домашние дети, я в особенности. Школа, пионерский отряд, осоавиахим, ещё и радио увлекалась. На фронте радисткой была, не на передовой, правда, при штабе фронта, но всё равно насмотрелась всякого. И под бомбёжкой бывала, и чуть под трибунал не пошла – времена-то были крутые, за ошибку в радиограмме расстрелять могли. Ну, отвлеклась и допустила ошибку в передаче. Бог миловал! Обошлось! А Толик уже совсем в других условиях рос. «Жить стало лучше, жить стало веселее». Это был вполне домашний мальчик. Наш дом, – наше! Не водись с этими «колхозниками», это люди не нашего круга! Так воспитывал его Пётр Свиридов, и мать туда же гнула.

Как они в войну жили – не знаю, на фронте была, но как понимаю, и тогда особо не бедствовали. Отец был председателем облпотребсоюза, так что не думаю, чтобы семья в чём-то нуждалась. Ну и выросло чадушко. Я с ним, с Толей-то, столкнулась, когда работала в обкоме. После рождения ребёнка я уже не на метеостанции работала, а в управлении. Институт окончила, была секретарём парторганизации. Вот и предложили пойти в инструктора. Работали в одном обкоме с Толей. Конечно, в разных отделах. Он зав промышленного отдела, я инструктором в идеологическом. А идеологический отдел самый распроклятый. Работы много, а почёта никакого. Почему? Через промышленный или сельскохозяйственный отдел директор надеется выйти на ЦК, на министерство, на местное начальство, короче, кое-что выторговать. А что можно получить от идеологического отдела? Потому-то перед тамошним инструктором, а тем более завпротдела директор ковриком, а на нас через губу. А по командировкам намота-а-лась.. не приведи господи! Досыта! И по заводам, и по фермам, и по школам с клубами. Всё было и всего это вдосталь! И грязь, и впроголодь, и холод! Какие там, в деревнях гостиницы, и грязюха по колено на улицах. Ну, да, ладно! Так вот о братике. Как-то посылают меня в командировку. Там возник конфликт, директор и парторг маленького заводика наступили на хвост райкомовскому начальству. Ну вот, брат зашёл ко мне перед отъездом и говорит:

– Этих смутьянов надо потопить. В этом заинтересованы там... – и палец вот так, – показала как именно, – в сторону кабинета первого.

– Мне мой непосредственный начальник, зав идеологического отдела никаких таких инструкций не давал, но я в бутылку не полезла, сказала, что разберусь. Виновны, ответят. Оказалось, ни в чём они не виноваты. Конечно, блох всегда можно насобирать целый короб, но по существу были правы они, а не райком. Я собрала материал, объективно изложила. Побавилась, конечно, но никаких репрессий в отношении меня не последовало. Потом я узнала, что в том, чтобы «потопить» был заинтересован не первый, а лично Толик. Впрочем, вам наши старые дразги вряд ли интересны.

Анатолий на меня косяка даванул, но промолчал. А я стала держаться от него подальше, тем более возможность появилась, замуж вышла, стала жить на квартире мужа.

И раньше я слышала о Толике в обкоме разговоры как о подлеце, но не особенно верила. Пока не столкнулась. Впрочем, и не особенно удивилась.

Отец умер в начале пятидесятых, меня тогда дома не было. Работала на метеостанции радисткой и наблюдателем. Пока приехала, его уже похоронили.

Я ведь почему в метеорологию-то подалась? Демобилизовалась, вернулась домой, а дома ложью пахнет. Одних принимают, на стол выставляют выпивку и закуску согласно официальному рангу папаша, для других гостей стол накрывали абы как, без стеснения. Свёрточки приносят... Знаете... противно. Вот и подалась на метеостанцию. Там и замуж вышла за начальника метеостанции.

После смерти отца взяла отпуск и осталась с матерью. Вот как-то мы с ней поругались, я и скажи, что она не столько по отцу горюет, сколько по его должности, связям и сладкой жизни. Она мне тогда и выложила, потому я неудачница, что изображаю из себя идейную, а жить надо умеючи. Пора, сказала, выбросить романтические бредни из головы. Мол, хоть отец и умер, а связи остались, и она без труда устроит в облпотребсоюз на тёплое место и меня и моего мужа. Ну, я и выдала, что не привыкла прятаться за чужие спины и всегда была готова работать, где нужно и для общества. Ну, тут мамашу и понесло. Высказала, что не мне, белогвардейской дочке, из себя правоверную коммунистку корчить. Так я узнала о Никодимове.

Казалось бы, я должна переживать. Нет! Какое-то облегчение даже. Мать есть мать, а то, что у неё нутро старорежимное, так не переделаешь, с тем она родилась.

А Толька, стервец, родился в наше время, а в себе вырастил семя буржуйское.

До войны-то ещё нас с Гришкой побаивался... братец-то, а потом... – вздохнув, помолчала с полминуты, потом продолжила. – Григория жалко. Он окончил физический факультет в начале войны, говорят, физик был хороший, ему предлагали бронированное место, но он отказался. Служил в противовоздушной обороне, кажется, что-то с радиолокацией связано, но убило осколком авиабомбы. Физиком стал по настоянию родителей. И Толькин сынок – Алексей, тоже физик. Знаете, это семейное. Какая-то тайна у них была, осталась от Никодимова. Он тоже был физик, что-то экспериментировал, после него какие-то приборы остались, записи. А что за тайна – не знаю. Отец, правда, пьяный как-то плакал:

– Погиб Гришка, некому открыть дверь, – а мать его оборвала: «Не мели чепуху».

А что за дверь... понятия не имею.

Вот и всё, что узнал лейтенант Жигалов от Семёновой Зинаиды Петровны.

Глава 2. Бег

1919

– Наташенька, ну что ты заладила – уедем, уедем. Куда уедем?

– В Харбин для начала. А потом сядем на пароход и уплывём в Североамериканские Соединённые Штаты. И будем жить где-нибудь на побережье, там, где пальмы, магнолии. А? Ну, милый...

– Наташенька, но ведь мы же не сможем увезти наш уютный дом, и погребочек не увезём, и поместье твоего отца тоже. Даже под пальмами в шалаше не очень уютно.

– Иван! Это отговорки. Ты же математик и инженер, между прочим, не из худших. Брось свои, не прими за обиду, наивные представления о служении Отчизне и долге перед Россией. Эта Россия выкинула нас, вышвырнула как мусор. Хорошо, что твоему кузину взбрело в голову купить этот домик, где он, собственно, бывал-то наездами, и завещать его тебе. А если бы как по-иному всё вышло? Что бы мы делали в Сибири? Во... – закатив глаза к потолку. – Так что давай-ка продадим этот дом. Пока Колчак наступает, найдутся дураки, которые дадут за него более или менее нормальную цену, да уедем.

– Может, и уедем... когда-нибудь. Только знаешь, что меня держит? – влившись пристальным взглядом в глаза женщины. – Во! То-то и оно, что не знаешь. А это вся цель моей

жизни. Здесь, – притопнув ногой по полу, – именно здесь, в нашем дворе находится магическое место, дорога в иной мир. Нет, не в мир мёртвых или астрал, а в такой же вещественный мир, как наш. Он рядом, но между ним и нашим миром стена, но в стене есть двери и одна из них рядом. И, кажется, я догадываюсь, как эту дверь можно открыть. Первыми смогли такую дверь открыть египтяне, наверное, случайно, – тряхнув в изумлении головой, – но их пирамиды это двери в тот, – закатив глаза к потолку, – иной мир. Об этом мне впервые рассказал Игорь Николаевич. Ну, – увидев удивление в глазах Наталии, – забыла что ли. Ну... И-иго-орь Што-оль. Я тебя с ним знакомил в пятнадцатом, на рождество. И-иго-орь Што-оль. Вспомнили?

– Это тот, который египтолог, который в Египте бывал, изучал там всякие настенные письма, папирусы, и ещё там что-то в церквях их, он что ли?

Конечно он, Наташенька. Он в Египте рукописи в коптских церквях ещё изучал. Так вот, египтяне знали, что если в определённых местах земли построить пирамиду, да ещё ориентировку соблюсти, пропорции и размеры, дверь и раскроется. С увеличением размеров пирамиды дверь распаивается шире, но до определённых пределов. И дверь эта существует определённое время, пока не изменится та ориентировка к звёздам, что была во времена строительства. Потому-то сейчас этих дверей в пирамидах нет. Ну, мы с Кшиштовичем ознакомились с выводами Штоля и решили открыть эти двери, не строя пирамид до небес. На земле эти двери рассеяны кучками, где пусто, где густо, вдоль сочетания неких линий сил. А вот для определения этих линий пришлось залезть в средневековые немецкие и французские рукописи о магии и, главное, о лозоходстве.

Наталия, не отрываясь от своих хозяйских дел, вполуха слушала Никодимова, её мысли были далеки от пирамид и от каких-то непонятных таинственных дверей в потусторонние миры. Она думала об обыденном, – о сегодняшнем дне, о ближайшем будущем, которое видела в Североамериканских Соединённых Штатах. Она думала, как бы уехать из ставшей чужой России в тёплые края, туда, где растут душистые травы и цветут большие красивые цветы.

– Ты что думаешь, Наташенька, Кшиштович с бухты барахты свои денежки в этот дом вбухал? Там, где я поставил свою треногу – дверь. Тренога, – Иван Сергеевич мечтательно прикрыл глаза, глубоко втянул себя воздух и на выдохе излил, – это пирамида. Понимаешь, Наташенька, – и возвышенно, – пирамида! Так вот, мы пропускаем по её граням ток, создаётся напряжение сил, не знаю каких, но способных открыть эту дверь. – Иван приосанился, приподнял грудь, вздёрнул вверх подбородок и громко произнёс. – Я уже сейчас могу приоткрыть эту дверь. Пока щелочка, не пролезть, но с каждым разом эта щель всё шире и шире. Я уже могу руку просунуть. – Иван сунул руку в карман брюк, пошарил в нём и извлёк что-то серое. – Вот, смотри, Наташенька, – Иван протянул в сторону Наталии открытую ладонь правой руки, – этот камушек я поднял с той земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.